

Анри Дюнан

МККК

А. Дюнан

ВОСПОМИНАНИЕ О БИТВЕ ПРИ СОЛЬФЕРИНО

Кто лучше Анри Дюнана смог бы поразить воображение читателя проникновенным рассказом о страданиях тысяч раненых солдат, оставленных на произвол судьбы после битвы при Сольферино? В этой книге Дюнану удалось перейти от описания разрушительных последствий сражения к страстному призыву о помощи его жертвам.

Оказавшись свидетелем ужасных последствий битвы при Сольферино, произошедшей 24 июня 1859 г., Дюнан призвал общество к проявлению гуманизма. В результате этого зародилось Движение Красного Креста, участниками которого на сегодняшний день являются 186 национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца и две международные организации – Международный Комитет Красного Креста (МККК) и Международная Федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца.

Эта книга никого не оставит равнодушным!

0361/0051-04/09 1000

ВОСПОМИНАНИЕ О БИТВЕ ПРИ СОЛЬФЕРИНО

МККК

ВОСПОМИНАНИЕ
О БИТВЕ
ПРИ СОЛЬФЕРИНО

Анри Дюнан (1828–1910)

АНРИ ДЮНАН

ВОСПОМИНАНИЕ
О БИТВЕ
ПРИ СОЛЬФЕРИНО

Перевод с французского

Издание 3-е, без изменений

Москва
Международный Комитет Красного Креста
2009

УДК 355.48.(44)"1859.06.24"
ББК 63.3(4Фра)
Д95

Henry Dunant

UN SOUVENIR DE SOLFÉRINO

1-е издание на русском языке вышло в 1995 г.

Анри Дюнан

Д95 Воспоминание о битве при Сольферино / Пер. с фр. – 3-е изд., без изм. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2009. – 108 с.

ISBN 5-94013-113-1 (рус.)

Достоверное и трагическое повествование о ходе и последствиях кровавого сражения, произошедшего близ итальянского местечка Сольферино в 1859 г. Автор волею судьбы оказался свидетелем ужасных мучений огромного числа раненых. Движимый состраданием, он старался организовать для них оказание первой помощи силами добровольцев из числа местных жителей. Эти события перевернули всю жизнь Анри Дюнана, впоследствии ставшего одним из основателей Красного Креста.

Книга, выдержавшая множество переизданий и переведенная на различные языки мира, адресована тем, кто интересуется историей Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца.

УДК 355.48.(44)"1859.06.24"
ББК 63.3(4Фра)

ISBN 2-88145-020-2 (фр.)
ISBN 5-94013-113-1 (рус.)

© Международный Комитет Красного
Креста, 2009

Анри Дюнан¹

Вместо предисловия

«Гений редко торжествует без борьбы; он прокладывает себе путь, преодолевая тысячи препятствий; его подолгу не признают, на него яростно нападают, наконец, половина его современников часто просто отрицает его существование».

Ференц Лист

В июле 1887 г. швейцарскую границу пересек одинокий путешественник без багажа. Маленький поселок Хайден, куда направляется путешественник, возвышается над Боденским озером, и оттуда открывается дивный вид на окрестности. Дети, резвящиеся на площади, на какой-то миг отрываются от игры, провожая взглядом мрачноватую согбенную фигуру. Тяжелой походкой, выдающей крайнее утомление, незнакомец направляется к гостинице «Парадиз». Там он найдет себе пристанище за считанные гроши. Человек этот так беден, что в те дни, когда он отдает в стирку свое белье, он вынужден не покидать постели – ему не во что переодеться. У незнакомца седая борода, и с первого взгляда его можно принять за глубокого старика. На самом же деле в тот год, когда нищета и горе заставили его искать прибежище в этом отдаленном местечке, ему было всего пятьдесят девять лет. Его здоровье в плачевном состоянии: оно подорвано слишком тяжелыми и слишком долгими лишениями. Правая рука, пораженная экземой, так сильно болит, что он уже не может писать.

Он нездоров, душа его исполнена горечи и обиды. Деньги, по три франка в день, которые стали высылать ему родственники, потрясенные его бедственным положением, дали ему возможность найти приют в местной богадельне. Благодаря живому участию местного врача д-ра Альтхерра он снова обретает способность писать; в больших школьных

¹ P. Boissier. Henry Dunant. Genève, Institut Henry-Dunant, 1974.

тетрадах он начинает излагать историю своей жизни. Почерк его, поначалу четкий, постепенно становится все менее и менее разборчивым: дрожащей рукой пожилой человек пытается спасти от забвения свои идеи. Чего только не испытал он на своем веку: он пишет и о радостях, и о невзгодах; одного только нет в этих воспоминаниях – черствости и скуки.

Он часто вспоминает о своих врагах, которые преследовали его и которые, быть может, и сейчас разыскивают его, чтобы доставить ему новые мучения. Он ненавидит фарисеев и лицемеров. Если он умрет, он хочет быть «похороненным, как собака», – без каких бы то ни было церемоний, потерявших для него всякий смысл. В хайденской больнице он живет в палате под номером 12.

Когда удача идет тебе прямо в руки, надо суметь ухватить ее. Георг Баумбергер прекрасно знал эту истину. Какая потрясающая находка для молодого журналиста! Ему стало известно, что Анри Дюнан, основатель Красного Креста, до сих пор жив. Ну и новость! Все думали, что он давным-давно умер. Вот уже много лет никто не вспоминает это имя. И вдруг выясняется, что он ведет жизнь отшельника в одной из деревень немецкой Швейцарии. Баумбергер немедленно отправляется на поиски этого человека. В хайденской больнице его ведут к двери палаты № 12...

Сначала седой патриарх колеблется: стоит ли раскрывать душу перед этим любопытным журналистом? Но вдруг – словно не в силах вынести груз воспоминаний – он начинает говорить. Голос его немного надтреснут, опущенные веки скрывают взор – но сколько огня, сколько внутреннего волнения в этом человеке, решившемся поведать миру о своей судьбе – поистине уникальной и неповторимой.

Статья Баумбергера становится настоящей сенсацией. Перепечатанная целым рядом газет, она за несколько дней обходит всю Европу.

В том 1895 году о Красном Кресте уже знает весь мир. После Европы Движение распространяется и в Америке, Африке, Азии; уже в 37 странах действуют национальные общества Красного Креста, среди которых есть много сильных организаций, владеющих собственными больницами, школами, санитарными поездами. Красный Крест уже

сказал свое слово в ходе 38 вооруженных конфликтов, доказывая на деле, что взятые им в качестве девиза слова: «*Inter Arma Caritas*» («Милосердие на поле брани») не столь парадоксальны, как может показаться с первого взгляда. Сотни тысяч раненых, которые умерли бы, брошенные всеми на полях сражений, вернулись к жизни благодаря Красному Кресту.

Женевская конвенция об обращении с ранеными подписана 42 государствами, и юристы начинают осознавать, что это один из наиболее крепких бастионов международного права.

Как же велик контраст между размахом такой деятельности и этим нищим стариком, фигура которого неожиданно выходит из тени! Неужели именно он стоял у истоков всего этого?

Несколькими месяцами позже, 8 мая 1896 г., мир торжественно отмечает 68-летие Дюнана; это самый настоящий апофеоз. Со всех концов земли в его адрес поступают послания, полные восторга и восхищения. Он получает письмо, собственноручно написанное папой римским, ему пишут многие другие выдающиеся деятели того времени. Он получает осязаемые свидетельства благодарности, которую питает к нему весь мир. В Германии организуется подписка в его пользу. Тысяча делегатов съезда российских врачей присуждают ему Московскую премию за служение страждущему человечеству. На помощь ему приходят Швейцария и некоторые другие государства. Целый ряд обществ Красного Креста и благотворительных учреждений принимают его в свои ряды, выбирают почетным членом и даже почетным председателем.

За считанные дни к Дюнану возвращается былая известность. Равнодушный к славе, он закрывает свои двери перед именитыми гостями, отказывается принимать праздных посетителей и с тем же пылом, что и много лет назад, бросается в бой за создание международного суда, за разоружение и мир.

Европа вновь взволнована его призывами. В 1901 г. норвежский парламент присуждает ему первую Нобелевскую премию мира. Вторым лауреатом премии в том году становится старый соратник Дюнана – великий пацифист Фредерик Пасси.

Но Дюнан знает истинную цену почестям. Он делает все необходимое, чтобы передать эту огромную сумму, ничего не оставив себе, на благотворительную деятельность в Швейцарии и Норвегии. Он пишет пророческие страницы о «кровавом будущем», ожидающем мир в

XX веке; изредка беседует с детьми и принимает немногих друзей. Он умирает 30 октября 1910 г. – в тот же год, что и два других великих человека, которыми он так восхищался: Флоренс Найтингейл и Лев Толстой.

Анри Дюнан родился 8 мая 1828 г. в Женеве. Этот город и добропорядочная буржуазная среда, из которой он происходил, научили его обходительности, открытости по отношению к миру и дали строгое протестантское воспитание.

Как напишет впоследствии Дюнан в своих воспоминаниях, большое влияние оказала на него мать – сестра известного физика Даниэля Колладона.

«Гуманитарная деятельность такого широкого, поистине всемирного масштаба не возникает случайно, по воле обстоятельств. Нужно, чтобы до начала работы для нее было соответствующим образом подготовлено орудие».

Мать воспитала его в духе *«сострадания по отношению к несчастным, обездоленным, униженным, угнетенным. С 18 лет Дюнан посвящает свой досуг посещению бедняков, больных, умирающих – он приносит им помощь и утешение. В возрасте 20 лет он начинает посещать женевскую тюрьму: каждое воскресенье в послеобеденные часы он приходит к заключенным и читает им вслух книги по истории, рассказы о путешествиях, научно-популярную литературу. Одним словом, еще задолго до того, как Дюнан посвятил свою жизнь попечению о солдатах, раненных на полях сражений, он начал заботиться о тех, кто был изранен тяжелой судьбой в мирное время».*

Его отец, Жан-Жак Дюнан, неготиант и судья по делам опеки, учит мальчика быть расчетливым, но в то же время стремиться к добру. Окончив колледж, Дюнан поступает стажером в банк. Но в 1849 г., воодушевленный духом протестантского религиозного возрождения¹ и горячей личной верой, вступает в молодежную группу Свободной

¹ Протестантское религиозное возрождение – совокупность религиозных движений, основным центром которых была Женева. Они озаменовали обновление протестантских общин франкоязычных стран (Франция, Швейцария) в начале XIX века. – Прим. пер.

церкви; ведет переписку с подобными же группами в Англии, Франции, Германии, Голландии и США. Вскоре он начинает задумываться об организации международного экуменического движения; в 1855 г. Дюнан и его друзья, собравшиеся в Париже по случаю проведения Всемирной выставки, основывают Всемирный альянс христианских союзов молодых людей, известный в дальнейшем как ИМКА.

Как только предоставляется возможность, Дюнан покидает Женеву. Он отправляется на поиски удачи в Алжир, покоренный за двадцать лет до того войсками Луи-Филиппа. Эта земля, открытая для предпринимательства, тотчас же очаровывает его. Он объезжает весь Алжир, открывая в себе проникательного наблюдателя. Добравшись до Туниса, он пишет об этой стране книгу, скромно озаглавленную «Заметки о Тунисском регентстве»¹. Уже в этой работе начинает проявляться его живое перо. Дюнан внимательно изучает ислам и – в отличие от большинства христиан того времени – начинает относиться к этой религии, которую тогда называли языческой, с величайшим уважением, во многих случаях не скрывая своего восхищения ею. Он даже начинает брать уроки арабского языка, не жалея сил на выполнение сложных упражнений по каллиграфии. Более того, он понимает, что успел по-настоящему полюбить живущих там людей, и решает организовать на алжирской земле, неподалеку от города Мон-Джемиля, большое сельскохозяйственное предприятие, на котором алжирские рабочие были бы счастливы и получали хорошее жалование.

К сожалению, инициатива Дюнана наталкивается на глухое сопротивление властей предрежащих. Между тем Акционерное общество мельниц Мон-Джемиля, которое Дюнан основывает в 1858 г., обладает всем необходимым для успешной деятельности: по зрелом размышлении выбрано подходящее место, имеется достаточно большой капитал, сама мельница оборудована по последнему слову техники. Остается, казалось, сущий пустяк – получить земли, на которых будет выращиваться хлеб... Однако бюрократические органы, ведающие вопросами землепользования, остаются глухи к просьбам молодого предпринимателя. Тщетно Дюнан обивает пороги различных ведомств – его усилия не приводят ни к каким результатам. Отказываясь смириться с пора-

¹ Тунисское, Алжирское, Триполийское регентства («берберские регентства») – так называли в Европе XVI–XIX веков мусульманские государства Северо-Западной Африки. – *Прим. пер.*

жением, он отправляется в Париж и начинает «осаду» министерств, но снова получает уклончивые ответы – Дюнан опять сталкивается с бюрократическими проволочками...

Куда идти теперь? Дюнан понимает, что выше этих министерств остается только одна инстанция – сам император. Увы! Наполеон III находится сейчас очень далеко от дворца Тюильри. Вступившись за Италию, ведущую войну за независимость, он отправился во главе французских войск сражаться с австрийской армией, которой командует молодой император Франц-Иосиф.

Что ж, Дюнан готов и сам отправиться в Ломбардию!

К тому времени, когда он наконец добирается до этой страны, ставшей театром военных действий, уже успевают отгреметь несколько крупных боев: при Монтебелло, Палестро, Мадженте; все понимают, что скоро должно состояться решающее сражение.

И вот 24 июня 1859 г. неподалеку от местечка Сольферино это сражение началось: таких кровавых битв Европа не знала со дня Ватерлоо. Дюнан находится совсем рядом. Из своего экипажа, несущегося по дорогам Ломбардии, он отчетливо слышит звуки канонады. Всего через несколько минут ему суждено увидеть то, что в корне изменит всю его жизнь.

Сгущаются сумерки. Дюнан добирается до Кастильоне. В городке царят сумятица и неразбериха, он весь заполнен солдатами, ранеными в страшной битве. Девять тысяч человек лежат на улицах, площадях, в церквях. Вот она – встреча с ужасами войны, внезапная и жестокая.

Ошеломленный Дюнан выходит из экипажа. Обойдя весь город, он поднимается по дороге, ведущей к главной церкви – Кьеза Маджоре. Вдоль всего склона, по желобу, предназначенному для стока дождевой воды, непрерывным потоком в течение многих дней струится человеческая кровь...

Дюнан заходит в церковь. Повсюду лежат раненые. Одни тихо стоят или уже безучастны ко всему, другие кричат от боли. В нефе церкви роятся тучи мух, все пропитано вонью испражнений и гниющей человеческой плоти.

У Дюнана нет никаких медицинских знаний. Он пытается промыть раны, наложить, как умеет, повязки и поудобнее устроить раненых, лежащих вповалку на голом полу. Несчастных мучит жажда. Дюнан спешит к фонтану и приносит им воды. Он выслушивает последние

желания умирающих, старается утешить их на пороге смерти. Он просит нескольких местных женщин помочь ему. Поначалу они боятся ухаживать за ранеными французами: вдруг возвратятся австрийцы и сурово покарают за помощь солдатам врага. Но Дюнану удается убедить их в том, что перед лицом страданий все равны и сейчас ничто иное не имеет значения. Вскоре они начинают повторять вслед за ним: *«Tutti Fratelli»* («все мы – братья»).

Но вместе с состраданием в сердце Дюнана растет и другое чувство: негодование. На устах всех этих раненых, от которых он не отходит ни на шаг ни днем ни ночью, одни и те же горькие слова: *«Что же это происходит, сударь? Мы честно сражались, а теперь... Теперь нас бросили на произвол судьбы»*.

Именно это и потрясает Дюнана больше всего: эти люди брошены! Всего лишь несколько повозок, запряженных мулами, посланы на поле боя. Они могут забрать очень немногих раненых. С наступлением темноты на поле боя появляются мародеры и без малейшего стеснения срывают с несчастных одежду. Этим солдатам суждено умереть от истощения и жажды. Тем, кому удалось – своими силами или с помощью сердобольных товарищей – добраться до близлежащего городка, где они надеялись получить помощь, повезло не намного больше. Дюнан может заявить об этом с полным правом. В Кастильоне на девять тысяч раненых – всего шесть французских военных врачей. И это не какая-то случайность: к своему ужасу Дюнан узнает, что так бывает всегда. Причина этого чудовищного несоответствия в том, что санитарная служба армии столь малочисленна, что едва ли можно всерьез говорить о ее существовании... Солдат, потерявший способность сражаться, никому уже больше не нужен.

Деловая поездка начинающего предпринимателя Анри Дюнана потерпела полный провал. Встреча с Наполеоном III, которой он так искал, не состоялась. По возвращении в Париж он снова включается в борьбу против инертности административных органов. Два года проходят в томительных ожиданиях в министерских приемных. А что же Кастильоне? Стерлось из памяти? Нет. Картины человеческих страданий, невольным свидетелем которых он стал, постоянно преследуют Дюнана; он смутно чувствует, что должен сделать что-то еще...

И вдруг он оставляет все свои дела, возвращается в Женеву, запирается в своей комнате. Словно повинувшись какой-то необоримой силе, он пишет книгу «Воспоминание о битве при Сольферино».

Он делает все, чтобы рассказать правду о той стороне войны, которую, как правило, стараются тщательно замалчивать. Он хочет поделиться своим потрясением с читателями. Он готов провести их вслед за собой «за кулисы» полей сражений – сквозь злобное и кровавое. И книга удалась. Более того: из-под пера Дюнанна выходит настоящий шедевр, одно из лучших произведений натуралистической школы. В дневнике братьев Гонкуров, обычно щедрых на язвительные замечания, записано:

«Эти страницы наполнили мою душу волнением. Высокие чувства, которыми книга проникнута, касаются сокровенных струн сердца. Она прекраснее, в тысячу раз прекраснее, чем Гомер, чем «Анабасис» Ксенофонта, прекраснее всего. <...> Эта книга заставляет проклясть войну».

Дюнан проклинал войну более страстно, чем кто бы то ни было. И невозможно читать его повествование, не разделяя чувств автора. Но цель Дюнанна была не в этом. Он хотел показать всему миру, как это страшно, как жестоко призывать солдат в армию, заставлять их переносить невероятные тяготы и лишения, идти в бой, презирая опасность, для того чтобы потом, когда пули неприятеля выведут их из строя, оставить их умирать, как собак.

Он обращается к мировой общественности с призывом:

«Это должно быть воззвание, с которым надо обратиться к людям всех стран и сословий, к сильным мира и к простым ремесленникам... Это воззвание должно быть адресовано в равной степени мужчинам и женщинам... оно относится к генералу, филантропу, писателю...»

Дюнан выдвигает конкретные предложения:

«...В чрезвычайных случаях, когда собираются... главы военных ведомств разных национальностей, отчего бы им не воспользоваться такими собраниями, чтобы выработать какие-нибудь международные договорные и обязательные правила, которые, раз принятые и утвержденные, послужили бы основанием для создания Обществ помощи раненым в разных государствах Европы?..

...Цивилизованное человечество настоятельно требует создания организаций такого рода... Какой правитель откажет в своей поддержке таким обществам... Какое государство не захочет покровительствовать людям, старающимся сохранить жизнь его поддан-

ных?.. Какой офицер, какой генерал... Какой военный интендант, какой главный хирург...

...Отчего нельзя создать в мирное время общества, которые во время войны оказывали или организовывали бы помощь раненым и осуществляли бы за ними уход? <...> Отчего не воспользоваться сравнительно мирным и спокойным временем для того, чтобы обсудить вопрос первостепенной важности с точки зрения и человечности, и христианства?»

Итак, вопрос был поставлен.

Бесчисленные письма, приходящие со всех концов Европы, показывают Дюнану, что ему удалось задеть романтическую струну, столь чуткую в душах европейцев середины XIX столетия. Однако их женевский адресат полагает, что недостаточно просто лить слезы.

Гюстав Муанье лишь немного старше Дюнана. В 1862 г., когда выходит в свет «Воспоминание о битве при Сольферино», ему исполнилось тридцать шесть. Будучи неустанным тружеником, этот юрист решил посвятить свою жизнь тому, чтобы его ближние жили лучше. Он серьезнейшим образом изучает социальные вопросы, увлечен общественной работой, в частности является председателем Общества поощрения общественного блага, снискавшего всеобщее уважение.

Прочитав «Воспоминание о битве при Сольферино» и полностью согласившись с выводами автора, Муанье решает действовать. Он наносит визит Дюнану. Эти два человека дополняют друг друга, являя вместе с тем совершенную противоположность. Им так и не суждено достигнуть полного взаимопонимания. Вместе с тем им удается сойтись на самом важном: в Женеве нужно организовать небольшой комитет, который займется претворением в жизнь идей Дюнана.

Созданный в феврале 1863 г. Комитет состоит – как это мудро! – всего из пяти человек:

генерал Дюфур, первый президент,

Гюстав Муанье, человек, который впоследствии станет президентом Комитета и на протяжении полувека будет править им железной рукой,

Анри Дюнан, секретарь,

д-р Лун Аппиа, страстно увлеченный военной хирургией,

и, наконец, д-р Теодор Монуар.

Эти пятеро женевских граждан вскоре составляют план действий.

Как и Дюнан, они считают, что все страны должны создавать такие общества, которые располагали бы еще в мирное время «спасателями-

добровольцами», подготовкой которых занялись бы сами эти общества, а также складами медицинских материалов, носилками, корпией. Как только вспыхнет война, эти общества смогут тотчас же отправиться на театры военных действий на подмогу малочисленным медицинским подразделениям армий своих стран.

Кажется, что все это просто. Но остается выяснить, согласятся ли правительства, штабы и интендантские службы терпеть присутствие гражданских лиц, этих «любителей», на полях сражений? Прежде всего нужно убедиться в этом.

Подобно тому, как кайзеру Вильгельму I (в чем он как-то признался, беседуя с русским царем) нелегко быть монархом при таком канцлере, как Бисмарк, Гюставу Муанье нелегко быть председателем Комитета при таком секретаре, как Дюнан. Дюнан убеждает его отважиться еще на одно рискованное предприятие.

Дело вот в чем: стараясь больше узнать о войне и беседуя со своим голландским другом д-ром Бастингом, Дюнан выясняет, что в тех случаях, когда военный врач оказывается между расположениями воюющих армий, неприятельские солдаты без малейших колебаний открывают по нему огонь. А почему, собственно говоря, они должны поступать иначе? Ведь ни что не указывает на отсутствие у этого военнослужащего иных целей, кроме помощи раненым. Если военный врач служит в пехоте, он носит мундир пехотного офицера, если в кавалерии – мундир офицера-кавалериста. Вполне законная мишень. В подобном же положении окажется любая неприятельская повозка: как только ее обнаружат, то попытаются уничтожить. В повозке раненые? Но из чего это следует? Или, допустим, на неприятельской территории, недалеко от линии фронта стоит какой-то дом, возле которого суетятся солдаты. Прекрасная мишень. Жаль, что нет никакой возможности узнать в нем военно-полевой госпиталь. Конечно, если бы неприятелю было известно, что находится в этих стенах, он не стал бы подвергать здание обстрелу. Действительно, зачем добивать этих несчастных, которые никому уже не могут причинить вреда?

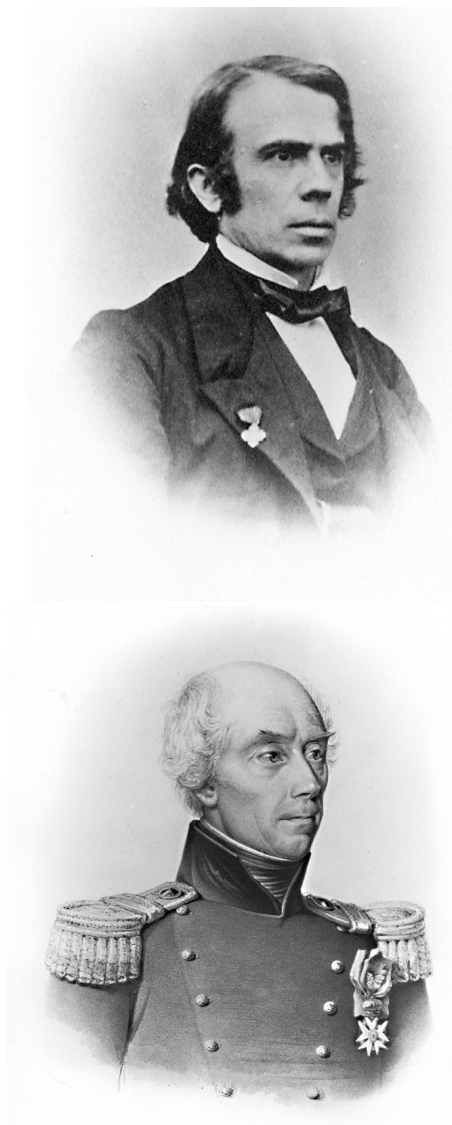
Величайшая заслуга Дюнана в том, что ему удается найти способ покончить с этим положением – смертельно опасным и в то же время нелепым. Способ, который он предлагает, настолько прост, что все вокруг удивляются: как могло получиться, что до него никто не додумался раньше?! Все гениальное просто.

Для решения этой проблемы потребуется лишь одно: договориться о введении определенного опознавательного знака, общего для всех армий. Его будут носить врачи и санитары; он будет изображен на санитарных транспортах; он будет вывешен над лазаретами и полевыми госпиталями. Одним словом, эта эмблема будет отличать всех тех, кто, состоя в рядах вооруженных сил, не принимает никакого участия в военных действиях и, следовательно, не может быть подвергнут нападению. Этот знак явится своего рода табу, обеспечит неприкосновенность тому, кто будет его носить. Он предоставит им новый юридический статус, который Дюнан называет «нейтралитетом».

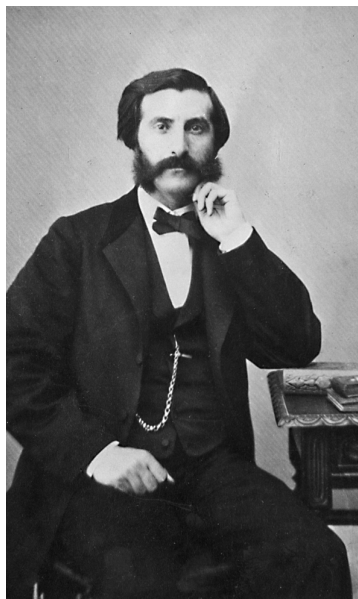
Это предложение столь необычно, что даже остальные члены Международного комитета принимают его весьма прохладно. Им кажется, что осуществить такой замысел им не по силам. Ведь для успеха задуманного нужно, чтобы правительства разных стран взяли на себя соответствующие взаимные обязательства, подписав договор в области международного права. Но ничего подобного еще не бывало. Конечно, существовало обычное право войны, существовали какие-то неписанные законы, но сама мысль о заключении составленного с соблюдением всех формальностей международного договора, регулирующего поведение воюющих на поле боя, казалась полностью неприемлемой. Разве война как таковая не есть нарушение права?

Но как переспорить Дюнана, тем более что на его стороне гуманность и логика?

Ему приходит в голову один очень простой способ: он лично рассылает письма всем властелинам Европы и приглашает их послать своих представителей на конференцию, местом которой назначена Женева, а датой – 26 октября 1863 г. Затем, в начале сентября, за собственный счет и несмотря на довольно сдержанное отношение к этому предприятию своих товарищей по Комитету, он отправляется на открывающийся в Берлине Международный статистический конгресс, чтобы использовать этот форум для распространения и объяснения своих идей, снискать симпатии в международных кругах и «заняться агитацией». Именно в Берлине вместе со своим другом Бастингом Дюнан составляет циркулярное письмо, которое печатает на собственные средства и рассылает всем европейским правительствам: он просит их прислать делегатов на Женевскую конференцию. К предлагаемому Женевской соглашению Дюнан добавляет идею «нейтрализации»; под циркулярным письмом он ставит подпись: «Женевский комитет».

Комитет пяти

В 1863 г., через год после публикации книги Дюнан, по инициативе Комитета, в состав которого вошли частные лица, была созвана Конференция в Женеве, на которую съехались представители 16 стран. В осуществление идеи Дюнан Конференция выступила с предложением о создании Добровольных обществ помощи

На приемах, проходивших в рамках конгресса, он встречается с официальными лицами, у которых буквально вырывает обещание ходатайствовать перед своими правительствами о направлении делегатов в Женеву. Его представляют королю, кронпринцу, кронпринцессе; все они уже прочитали его книгу и оказывают ему радушный прием. Затем Дюнан едет в Дрезден, в Вену, в Мюнхен, где его принимают король Саксонии Иоганн, эрцгерцог Райнер, военный министр Баварии и многие другие... Повсюду ему удается вызвать энтузиазм.

«Нацию, которая откажется поддержать эту идею, общественное мнение Европы заклеймит позором», – говорит ему Иоганн Саксонский. Какой невероятный успех!

20 октября Дюнан возвращается в Женеву. Комитет пяти реагирует на берлинский циркуляр весьма сдержанно. Муанье встречает его более чем прохладно: ему кажется, что идея Дюнана о «нейтрализации» по крайней мере преждевременна.

Однако на письмо приходят ответы, превосходящие все ожидания.

26 октября в Женеве открывается Международная конференция, которая полностью оправдывает надежды ее организаторов. Успех просто невероятный: в заседаниях принимают участие 18 представителей 14 правительств. Делегаты – военачальники, военные врачи, интенданты – поначалу признаются в том, что испытывают определенное недоверие к предложенному на их рассмотрение проекту, поскольку он кажется им слишком необычным, слишком дерзким. Но все согласны с тем, что медицинские подразделения вооруженных сил слишком малочисленны для выполнения своей задачи. Они допускают, что организованные должным образом общества, занимающиеся соответствующей подготовкой еще в мирное время, могли бы сослужить хорошую службу и спасти жизнь очень многим. Наконец, заразившись энтузиазмом организаторов, участники Конференции принимают Решения, содержащие следующие принципиальные положения:

«Ст. 1. Каждая страна должна иметь комитет, чья обязанность состоит в том, чтобы, в случае войны и если возникнет такая необходимость, оказывать помощь санитарным службам вооруженных сил всеми имеющимися в его распоряжении средствами.

Ст. 5. Во время войны комитеты воюющих государств оказывают помощь вооруженным силам своего государства, насколько позволяют имеющиеся у них средства, в частности, они организуют добровольный персонал и приводят его в состояние готовности, а также по согласо-

нию с военными властями заблаговременно подготавливают помещения для ухода за ранеными».

По каким признакам можно будет узнать этих добровольных помощников? Как можно отличить их от обычных гражданских лиц? Заглянем еще раз в Решение:

«Ст. 8. Такой персонал во всех странах носит единообразный отличительный знак – белую нарукавную повязку с красным крестом».

А как же «нейтрализация», о которой так мечтал Дюнан?

Вот вторая из трех рекомендаций, принятых на Конференции:

«Во время войны воюющие государства должны провозглашать нейтралитет санитарных повозок и военных госпиталей, а также полностью и совершенно нейтральными должны быть признаны официальный санитарный персонал и добровольный медицинский персонал, жители страны, приходящие на помощь раненым, и сами раненые».

Запомним день, когда был подписан этот важнейший документ: 29 октября 1863 г. Это день рождения Красного Креста.

Менее чем через два месяца после этого события «Международный комитет по оказанию помощи раненым» – так отныне именуется Комитет пяти – с радостью узнает о создании первого Общества помощи: его родиной стал Вюртемберг. События начинают развиваться очень быстро. Менее чем за год появилось на свет десять новых обществ: в герцогстве Ольденбургском, в Бельгии, Пруссии, Дании, Франции, Италии (в Милане), Мекленбурге, Испании и Гамбурге.

Для Муанье принять какую-либо идею значит немедленно взяться за работу. И вновь они с Дюнаном начинают совместный труд. Муанье составляет текст договора. Что же касается Дюнана, то он снова показывает себя непревзойденным мастером в той области, которую сейчас называли бы «связи с общественностью».

Но как добиться заключения такого договора? Классический путь – созыв дипломатической конференции. Увы, частные лица не могут этого сделать. Здесь уже не обойтись без участия правительства, которое направило бы приглашения. Такое правительство находится – это правительство Швейцарии, согласившееся взять на себя инициативу созыва конференции. Местом ее проведения выбран не Берн, швейцарская столица, а Женева – родина Красного Креста. Теперь нужно заняться созданием соответствующей атмосферы, пробудить к конференции интерес правительств, убедить их направить в Женеву дипло-

матических представителей, должным образом уполномоченных подписать новый дипломатический документ. За это берется Дюнан. Германия уже в большой мере приняла его взгляды, теперь на очереди Франция. И снова Дюнан на высоте: ему удастся сделать своим союзником французского министра иностранных дел Друэна де Люиса. Вскоре французские послы получают указание довести до сведения правительств, при которых они аккредитованы, что император Наполеон III лично заинтересован в придании нейтрального статуса медицинским подразделениям. Этого оказывается достаточно, чтобы остальные европейские государства заняли такую же позицию.

На Конференцию, открывшуюся 8 августа 1864 г., съезжаются представители 16 правительств. Все они уже успели ознакомиться с документами, подготовленными Международным комитетом, и, как становится понятно с самого начала, стремятся к успешному завершению переговоров. Проект договора, составленный Муанье, очень хорош, он вызывает у участников лишь незначительные замечания. Всего несколько дней уходит у полномочных представителей, собравшихся в старинной женевской ратуше, на принятие окончательного варианта. Вот некоторые отрывки из этого текста:

«Ст. 1. Походные лазареты и военные госпитали будут признаваться нейтральными и на этом основании почитаться неприкосновенными и пользоваться покровительством воюющих сторон во все время, пока в них будут находиться больные или раненые.

Ст. 2. Право нейтральности будет распространяться на личный состав госпиталей и походных лазаретов, включая части интендантскую, врачебную, административную и перевозочную для раненых, а также включая священнослужителей, когда они будут в действии и пока будут оставаться раненые, коих требуется подобрать или оказать им помощь.

Ст. 7. Для госпиталей и походных лазаретов и при очищении таковых будет принят особый, для всех одинаковый, флаг. Он должен во всех случаях быть постановлен вместе с флагом национальным.

Равным образом для лиц, состоящих под защитой нейтралитета, будет допущено употребление особого знака на рукаве, но выдача оно-го будет предоставлена военному начальству.

Флаг и знак на рукаве будут белые с изображением красного креста».

Итак, снова предметом переговоров становится эмблема Красного Креста. Еще год назад она служила всего лишь опознавательным зна-

ком для добровольцев, объединенных в Общества помощи раненым. Теперь она обрела новое значение. Она предоставляет тем людям, которые ее носят, транспортным средствам, которые снабжены ею, зданиям, которые ею отмечены, особый статус. Она защищает их в силу положений торжественного соглашения, заключенного между державами, – *Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны*, подписанной 22 августа 1864 г.

Запомним и эту дату. Ведь эта маленькая Конвенция, состоящая всего из десяти статей, знаменует новый этап в истории человечества. С нее начинается все договорное право войны, а также все гуманитарное право. Именно этот документ лежит в основе Гаагских и, что еще более очевидно, Женевских конвенций.

Если Дюнан и не принимает официального участия в последующих международных конференциях, за исключением Парижской конференции 1867 г., на которой он соглашается выступить с докладом о положении военнопленных, он продолжает неустанно бороться в одиночку, наперекор всем ветрам, за дальнейшее распространение своих идей, за предоставление защиты военнопленным, раненым и потерпевшим кораблекрушение из состава военно-морских сил, и даже некоторым категориям гражданских лиц путем принятия соответствующих дипломатических конвенций или международных договоров. Если бы не Дюнан, неизвестно, сколько времени ушло бы на это!

Именно тогда между членами женевского Комитета обостряются разногласия; в адрес Дюнана раздаются упреки, отвечать на которые он считает унизительным; Муанье теряет к нему доверие. Не в силах выносить такую обстановку, 29 мая 1864 г., еще до открытия Конференции, Дюнан посылает Муанье письмо следующего содержания:

«Милостивый государь, мне кажется, что я уже сделал все, что мог, для успеха нашего дела, сейчас я желаю полностью отойти от него. Прошу вас впредь не рассчитывать на мое деятельное участие: я снова ухожу в тень. Дело начато, я был всего лишь орудием в руках Божьих, теперь наступило время более умелых работников, нежели я сам, – пусть начатое продолжат они».

Муанье отказывается принять отставку Дюнана, и тот уступает его настоятельным просьбам. До 1867 г. он продолжает исполнять обязанности секретаря Международного комитета.

В июне 1866 г. начинается война между Пруссией и Австрией.

Старую Австрийскую империю отличает величественная медлительность: в Вене до сих пор не открыто Общество помощи раненым воинам; правительство до сих пор не присоединилось к Женевской конвенции. В Пруссии дела обстоят иначе. Общества Красного Креста там великолепно организованы, Женевская конвенция известна всем. Вскоре разница станет очевидной. В одной армии медицинская служба не справляется со своими задачами, в другой – на помощь военным врачам и санитарам приходят многочисленные прекрасно подготовленные и отлично оснащенные бригады. Прусское правительство scrupulously соблюдает нормы Женевской конвенции, не требуя, чтобы противник поступал так же. Результат – спасенные человеческие жизни. Он так красноречив, что еще до окончания этой войны, длившейся семь недель, Австрия присоединяется к Женевской конвенции.

Победоносная армия, вернувшаяся из Богемии, с триумфом вступает в Берлин. Город охвачен ликованием. Армия проходит маршем под триумфальными арками и флагами. В королевской ложе, на фоне ярких мундиров, выделяется фигура в черном сюртуке: это Анри Дюнан. Он прибыл в столицу Пруссии по приглашению королевы Августы, которая лично ухаживала за ранеными и своими глазами видела благотворные последствия работы, проводимой под знаком Красного Креста.

Вечером Дюнан – гость королевской семьи. Вильгельм I выражает ему свое восхищение; кайзер говорит о том, какое важное значение придает он Женевской конвенции.

Двумя днями позже Дюнан снова приглашен во дворец. В его честь сама королева надевает на руку повязку с красным крестом. После ужина она долго беседует с Анри Дюнаном. Ее Величество вспоминает, какое впечатление произвела на нее книга «Воспоминание о битве при Сольферино»; она говорит, что считает себя ученицей Дюнана: именно поэтому, невзирая на опасность холеры, она взялась ухаживать за ранеными. Счастью Дюнана нет предела. Вот награда за его труды. Мог ли он предположить, что начатое им дело получит когда-нибудь столь лестную оценку? Это триумф. Но с вершины Капитолия всего два шага до Тарпейской скалы.

Некоторые предприятия развиваются вполне благополучно, как бы сами собой. К сожалению, Акционерное общество мельниц Мон-Джемиля не относилось к их числу; те четыре года, которые его директор посвятил спасению раненых воинов, явно не пошли ему на пользу. Оно находится в полном расстройстве, и чтобы разрушить его, достаточно одного толчка. Таким толчком стало банкротство «Кредит Женевуа» – банка, одним из членов правления которого был Дюнан. Случилось это в 1867 г. Коммерческий суд выносит суровый приговор правлению лопнувшего банка. Но имени Дюнана там нет. Еще через год гражданский суд второй инстанции осуждает всех членов правления, но отвечать приходится одному Дюнану, поскольку он обвинен в том, что «преднамеренно ввел в заблуждение» своих сотрудников.

Неожиданно Дюнан оказывается полностью разорен, на нем почти миллионный долг! Ужасное известие застаёт его в Париже. В родной город он уже не вернется.

Впоследствии Дюнан расскажет, какую нищету довелось ему испытать: он спит на скамейках в городских парках и в залах ожидания на вокзалах. Когда он проходит мимо булочных, желудок сводит от голода. Его носки протерлись до дыр, и он красит пятки тушью.

И, однако, именно в это время императрица Евгения приглашает его во дворец Тюильри: она высказывает пожелание распространить действие Женевской конвенции на вооруженные силы на море. Дюнан же выступает и за облегчение участи военнопленных.

Что касается Международного комитета, то, едва прослышав о финансовых неприятностях Дюнана, его члены начинают сильно беспокоиться. Уже летом 1867 г., еще до приговора суда первой инстанции, Муанье ищет пути избавиться от Дюнана. 25 августа, в дни, когда проходят конференции обществ Красного Креста, приуроченные к Всемирной парижской выставке, Дюнан пишет матери:

«Я прошел мимо г-на Муанье, он тоже не подошел ко мне; так что мы с ним не виделись и не разговаривали».

И все же во время первого же заседания Дюнан был торжественно объявлен почетным членом Комитетов Красного Креста Австрии, Голландии, Швеции, Пруссии и Испании! Вместе с Гюставом Муанье и генералом Дюфуром он был награжден золотой медалью Всемирной выставки.

Дипломатическая конференция в Женеве. 1864 г.

«...выработать какие-нибудь международные договорные и обязательные правила, которые, раз принятые и утвержденные, послужили бы основанием для создания Обществ помощи раненым...» (с. 105)

Желая опередить своих недоброжелателей, 25 августа Дюнан пишет в Международный комитет письмо, которое Гюстав Муанье зачитывает в ходе заседания 8 сентября; Дюнан подает в отставку с поста секретаря Комитета. Решение принимается незамедлительно:

«Сообщить ему, что не только принимается его отставка, но и что он не является более членом Комитета».

Так сурово осуждалось в конце прошлого века банкротство. Так дорого приходилось платить за него в городе Кальвина.

1870 г. Война между Францией и Пруссией.

Финансовое положение Дюнана ненамного лучше. Какими же усилиями, каким чудом удастся ему выбраться из небытия? Кто знает! Но он снова появляется там, где нужно помогать раненым.

Как мы помним, Дюнан уже имел однажды довольно продолжительную беседу с императрицей Евгенией, которая вызвала его 7 июля 1867 г. во дворец Тюильри, чтобы сообщить о своем желании «распространить статус нейтралитета, провозглашенный Женевской конвенцией, на раненых моряков, потерпевших кораблекрушение военнослужащих, а также на предназначенные для оказания им помощи суда флотов всех стран и их личный состав».

20 августа 1870 г. Дюнан пишет императрице, сообщая ей о своей новой идее, которая могла бы послужить дальнейшему развитию положений Женевской конвенции:

«Не считает ли Ваше Императорское Величество чрезвычайно уместным предложить Пруссии придать нейтральный статус некоторым городам, куда можно было бы направлять раненых. В этом случае последние оказались бы защищенными от опасностей боевых действий».

Предложение Дюнана остается без последствий. Но идея высказана, и в дальнейшем воюющие стороны во многих случаях будут достигать соглашений об установлении таких зон безопасности, в границах которых смогут находить убежище раненые и беженцы.

Тем временем неустанные хлопоты Дюнана приводят к тому, что французское правительство, начавшее забывать о Женевской конвенции, решает опубликовать ее текст. Но больше всего усилий предпринимает Дюнан в интересах раненых. Он деятельно участвует в снаряжении походных лазаретов, которые французское Общество по-

мощи раненым отправляет на поля сражений. Как некогда в Кастильоне, он посещает раненых, доставленных в Париж, и старается утешить их. По его предложению в употребление вводятся опознавательные медальоны, что позволяет легче устанавливать личность погибших. Он пытается добиться признания статуса воюющих за формированиями жандармерии, участвующими в боевых действиях, которые, как он говорит, «одеты не в военную форму, а в простые блузы, и поэтому их могут попросту расстрелять как крестьян, незаконно носящих оружие». Таким образом он пытается добиться предоставления защиты уже и партизанам.

Во время Парижской коммуны Дюнан проявляет не только милосердие, но и отвагу. С невероятным хладнокровием вырывает он из рук коммунаров многочисленных жертв. Опасаясь, что версальцы будут чрезмерно жестоки, он с риском для жизни переходит линию фронта и обращается непосредственно к Тьеру.

Между тем он вызывает подозрения. Кто этот человек? Немецкий шпион? А может быть, член «Интернационала» и его следует арестовать, отправить в тюрьму, расстрелять? На такие мысли наводит сходство выражений «интернациональная деятельность» Красного Креста и «Интернационал трудящихся». Полиция не собирается вдаваться в такие тонкие различия!..

Война окончена. Дюнан, до глубины души возмущенный трусостью и эгоизмом, свидетелем которых ему довелось стать, снова влачит нищенское существование. Дон Кихот без Росинанта и оруженосца, он видит перед собой огромные перспективы. Его ум полон проектов мирового масштаба; он размышляет о том, каким бы стал этот мир, если бы все конфликты рассматривались международными инстанциями – на основе международного права, перед высоким арбитражным судом. Но, для того чтобы мечта стала реальностью, нужно просвещать людей, готовить их к восприятию новых идей, направлять общественную мысль на созидание мирного будущего.

В 1866 г. Дюнан начинает осуществление своего проекта создания международной библиотеки, однако вернуться к нему не удастся. Первые публикации из этой серии начали выходить в 1869 г., но тут разразилась война. Единственное, что остается Дюнану, это чек на 100 тысяч франков, к которым он так и не притронется:

Convention

*pour l'amélioration du sort des Militaires
blessés dans les armées en campagne.*

Sa Confédération Suisse, Son Al-
tesse Royale le Grand-Duc de Bade, Sa
Majesté le Roi des Belges, Sa Majesté le Roi
de Danemark, Sa Majesté la Reine d'Espagne, Sa
Majesté l'Empereur des Français, Son Altesse
Royale le Grand-Duc de Basse, Sa Majesté le
Roi d'Italie, Sa Majesté le Roi des Pays-Bas,
Sa Majesté le Roi de Portugal et des Algarves,
Sa Majesté le Roi de Prusse, Sa Majesté le Roi
de Wurtemberg, également animés du désir d'adoucir, au-
tant qu'il dépend d'eux, les maux inséparables de la guerre,
de supprimer les rigueurs inutiles et d'améliorer le sort
des militaires blessés sur les champs de bataille, ont résolu
de conclure une Convention à cet effet et ont nommé pour
leurs Plénipotentiaires, savoir:

Sa Confédération Suisse:
le Sieur Guillaume Henri Dufour, Grand-
Officier de l'Ordre Impérial de la Légion

Женевская конвенция 1864 г. содержит всего 10 статей о защите раненых солдат и тех, кто за ними ухаживает. На сегодняшний день имеются че-
тыре Конвенции, состоящие из более чем 400 статей, которые защищают
не только раненых и больных солдат, но также пленных и гражданских лиц,
оказавшихся во власти неприятеля

Article 9.

Les hautes Signatures contractantes sont convenues de communiquer la présente Convention aux Gouvernements qui n'ont pu envoyer des Représentataires à la Conférence Internationale de Genève, en lui invitant à y accéder; le protocole à cet effet lui sera ouvert.

Article 10.

La présente Convention sera ratifiée, et les ratifications en seront échangées à Berne, dans l'espace de quatre mois, ou plus tôt si faire en peut.

En foi de quoi les Municipalitaires respectifs l'ont signé
et y ont apposé le cachet de leurs armes.

Parti à Genève, le vingt-deuxième jour du mois d'Avril de l'an mil huit cent soixante-quatre.

Gen.

G. H. Dufour

J. Maynier

B² Schmidt

Dr. Robert Volz:

Primer.

Vipshorn

Leichter

Представители 12 государств подписали первую Женевскую конвенцию и скрепили ее своими печатями. На сегодняшний день 191 государство, включая великие державы, присоединилось к четырем Конвенциям 1949 г.

*И время, и силы потеряны зря,
Но мысль была все же прекрасна...*

Не подобный ли замысел лег впоследствии в основу деятельности ЮНЕСКО?

Потерпев неудачу с созданием библиотеки, Дюнан не падает духом – он становится поистине «странствующим проповедником» двух других грандиозных идей, которые не дают ему покоя по крайней мере с 1866 г.: это «переселение еврейского народа в Палестину» и защита военнопленных. Его «палестинская» программа, отмеченная реализмом, с одной стороны, и поистине пророческим видением проблемы – с другой, настолько опережает свою эпоху, что остается не понятой современниками. И лишь сионисты оценят мысль Дюнана по достоинству, в 1897 г. на первом сионистском конгрессе в Базеле его заслуги будут отмечены Теодором Герцлем.

Сегодня на холмах Иерусалима, в роще, посаженной в память о тех, кто многое сделал для человечества, растет и дерево Анри Дюнана. Но как далеки от осуществления многие из его идей! А ведь они, несомненно, могли бы послужить основой для решения ближневосточных проблем.

Военнопленные? Их судьба волнует его с 1863 г., еще до Дипломатической конференции; в 1867 г. он выступает с докладом на Парижской конференции. Его усилия остаются безрезультатными. Но Дюнан снова включается в борьбу, основывая в Париже специальный комитет. В июне 1872 г. он пишет родственникам из французской столицы:

«О, если б они только знали, сколько мне приходится трудиться, какие муки, тревоги, волнения приходится мне испытывать, если б они знали, в какой беспросветной нужде я живу... И вот я назначен председателем Постоянного международного комитета, созданного для подготовки Конвенции об участии военнопленных во всех цивилизованных государствах».

В Париже его выслушать не готовы, – что ж, Дюнан едет в Лондон! Во время публичной лекции, с которой он выступает в августе 1872 г., Дюнану от голода делается так плохо, что он не может даже закончить выступление. Но уже через несколько дней он снова выступает с новой лекцией, на этот раз в Плимуте. Тема лекции: международный арбитраж. Он излагает свой проект создания Верховного международного арбитражного суда. Семья брошено в землю...

Так начинаются два года изнурительной работы, напряженной борьбы, новых лишений. Цель Дюнана – созвать новую дипломатическую конференцию, которая приняла бы документ об участии военнопленных.

«Столь многочисленные испытания не напрасны, – пишет он своим родственникам 31 декабря 1873 г., – они очищают нас, подготавливая к Царству Божьему; но как же трудно их переносить – не по причине материальных лишений и попечений о завтрашнем дне, а из-за тех нравственных страданий, которые я испытываю при мысли о вас, о тех хлопотах, невзгодах, беспокойствах, которые выпадают на вашу долю из-за меня; я никогда не говорю об этом, но иногда мне начинает казаться, что я не в силах вынести этой скорби...»

Созыву конгресса покровительствует русский царь. По его предложению Россия выступает в качестве приглашающей державы, а конференция проходит в Брюсселе в августе 1874 г. Однако Александр II и его министры стремятся использовать международный форум в несколько иных целях, чем Дюнан: царь хочет расширить круг обсуждаемых вопросов и выработать «общие положения, регулирующие международные отношения в военное время».

«Враждебное отношение Англии помешает заключению дипломатического соглашения между европейскими державами по этому предмету», – отмечает Дюнан. Тысячам и тысячам людей предстоит пройти через лагеря Первой мировой войны, прежде чем конвенция, о заключении которой мечтал Дюнан, будет, наконец, подписана в 1929 г.!

Дискуссии на конгрессе разворачиваются в основном вокруг права войны. Вот что пишет Дюнан о его результатах:

«На этой неделе конгресс завершит свою работу. Я постоянно сражался с Россией, потому что Россия желает регламентировать ведение войны, подразумевая, очевидно, что война – нормальное явление, которое будет существовать вечно; что же касается меня и Общества военнопленных (а также Общества раненых), то мы желаем ограничить неизбежные ужасы войны – этого лютого бедствия, которое грядущие поколения будут рассматривать как безумие».

Интуиция Дюнана так совершенна, что он не ошибается никогда. Да, будет создан арбитражный суд, да, будет подписана конвенция о военнопленных, да, евреи возвратятся в Палестину, да, шедевры мировой литературы будут переведены на все языки мира. Но как нелегко за это бороться!

Еще одна дата – и общественная жизнь Дюнана завершится. 1 февраля 1875 г. в Лондоне собирается международный конгресс, цель которого – «полное и окончательное запрещение торговли неграми и работорговли».

Конгресс созван Всемирным альянсом порядка и цивилизации, который был создан Дюнаном, сначала в Париже, а после войны 1870 г. в Лондоне. Защищая своих самых обездоленных братьев, Дюнан в последний раз вызывает к совести людей, заставляя их вспомнить о страданиях ближнего.

Начинаются годы скитаний: десять лет безысходной нищеты. Бездомный бродяга, он странствует пешком по дорогам Эльзаса, Германии, Италии. Он живет на милостыню, иногда за счет гостеприимства друзей. Один из них – г-жа Кастнер, которая вплоть до своей смерти в 1888 г. поддерживает его, невзирая ни на какие нападки и потоки клеветы, которые обрушиваются на этого человека даже после того, как он отходит от активной деятельности. Зависть и злоба преследуют его, словно фурии.

Потребуется еще немало времени, прежде чем ведущиеся сейчас серьезные исследования прольют свет на интеллектуальную деятельность Дюнана в этот период его жизни. Ограничимся пока что констатацией факта: в конце этого периода, в Хайдене, светлая мысль Дюнана достигает полной зрелости; это мысль гения, парящая над всеми битвами, чаяниями, превратностями своего века, чтобы предложить миру единственно возможный шанс выжить в тот момент, когда, пройдя сквозь горнила титанических войн XX века, этот мир осознает наконец свое единство, задумается о солидарности человеческого рода и встанет на путь созидания мирной жизни.

Какой удивительный путь: тридцать четыре года внутреннего приготвления, учебы, размышлений, незаметных трудов. Потом, с выхода в свет «Воспоминания о битве при Сольферино» и до банкротства «Кредит Женевуа» – пять лет славы и успеха. Затем наступают двадцать восемь лет нищеты, скитаний, отшельнической жизни. И наконец пятнадцать лет славы, в течение которых он так и не покидает палату хайденской больницы.

Анри Дюнан умирает 30 октября 1910 г. Не будем называть это концом, ведь сама жизнь свидетельствует, что о конце говорить здесь нельзя. Напротив, кажется, что Дюнан лишь обрел большую свободу, чтобы продолжать свой труд во всем мире. Он продолжает призывать новых последователей, служить примером, спасать тех, кто в беде. Поступок Дюнана повторяется ежедневно, по всей планете, там, где мужчины и женщины склоняются над страдающим человеком, не спрашивая его, откуда он и кому служит, а задавая ему один-единственный вопрос: «Тебе нужна помощь?»

Пьер Буассье

Воспоминание о битве при Сольферино

Кровавая победа при Мадженте открыла доступ в Милан французской армии и довела до высшего предела воодушевление итальянцев. Павия, Лоди, Кремона с восторгом встречали освободителей. Австрийцы оставили линии Адды, Ольо, Къезы и, желая наконец вознаградить себя блестящей победой за понесенные поражения, стянули значительные силы на берегах Минчо под командованием молодого отважного императора австрийского.

17 июня король Виктор Эммануил прибыл в Брешию, где его восторженно встретило население, более десяти лет находившееся под гнетом и видевшее в сыне Карла Альберта и спасителя, и героя.

На другой день император Наполеон торжественно въехал в тот же город, приветствуемый безумным восторгом всего народа, выражавшего благодарность монарху, который хотел вернуть ему свободу и независимость.

21 июня император французов и король Сардинии выехали из Брешии, откуда их войска выступили накануне. 22-го Лонато, Кастенедоло и Монтекьяро были заняты, 23-го вечером император-главнокомандующий отдал приказ войскам короля Виктора Эммануила, расположенным в Дезенцано и составляющим левый фланг объединенной армии, выступить 24-го утром в Поц-

цоленго. Маршал Бараге д'Иллие должен был идти на Сольферино, маршал герцог Маджентский – на Кавриану, генерал Ньель – на Гуидиццоло и маршал Канробер – на Медолу; императорская гвардия была направлена на Кастильоне. Эти объединенные силы насчитывали 150 тысяч человек при 400 орудиях.

Австрийский император располагал в Ломбардии девятью корпусами общей численностью 250 тысяч человек, так как его наступательная армия пополнилась еще гарнизонами Вероны и Мантуи. По совету фельдцейхмейстера барона Гесса императорские войска последовательно отходили от Милана и Брешии с целью сосредоточить между Адидже и Минчо все военные силы, которыми располагала тогда Австрия в Италии, но в число боевой армии входило всего семь корпусов, или 170 тысяч человек при 500 орудиях.

Главная императорская квартира была переведена из Вероны сначала в Виллафранку, а потом в Валеджо, и войскам был отдан приказ снова перейти Минчо у Пескьеры, Сальонцы, Валеджо, Ферри, Гойто и Мантуи. Основные силы армии расположились от Поццоленго до Гуидиццоло, чтобы атаковать под предводительством опытейших генералов и фельдмаршалов объединенные франко-сардинские войска между Минчо и Кьезе.

Австрийские военные силы под командованием императора составляли две армии. Первая, с фельдцейхмейстером графом Вимпфеном во главе, имела в своем распоряжении корпуса, которыми командовали принц Эдмонд де Шварценберг, граф Шаффготше и барон Вейгль, а также кавалерийская дивизия графа Зедгвица составляла левый фланг. Она заняла позиции в окрестностях Вольты, Гуидиццоло, Медоды и Кагель-Гоффридо. Вторая армия, которой командовал генерал от кавалерии граф Шлик, имея в своем распоряжении корпуса под командованием лейтенант-фельдмаршалов графа Клам-Галласа, графа Стадиона, барона Цобеля и кавалера Бенедика и кавалерийскую дивизию графа Менсдорфа, составляла правый фланг. Она заняла Кавриану, Сольферино, Поццоленго и Сан-Мартино.

Следовательно, все возвышенности между Поццоленго, Сольферино, Каврианой и Гуидиццоло были заняты 24 июня утром

австрийцами. Они расположили мощную артиллерию на целом ряде пригорков, ставших центром громадной наступательной линии; таким образом правый и левый фланги находились под прикрытием этих сильно укрепленных возвышенностей, которые австрийцы считали неприступными.

Неприятельские армии шли друг на друга, но не ожидали столкнуться так скоро. Австрийцы надеялись, что еще не все союзные войска перешли Къезе, они не могли знать намерения Наполеона и были неточно осведомлены.

Союзники тоже не рассчитывали так внезапно встретить войска императора австрийского. Были проведены различные наблюдения, рекогносцировки; разведчики, в том числе поднявшиеся на воздушных шарах, запущенных 23 июня, не обнаружили никаких признаков приготовлений к контрнаступлению или атаке.

Поэтому, хотя с той и с другой стороны ожидали близкого и ожесточенного сражения, встреча австрийских и союзных войск в пятницу 24 июня оказалась неожиданной, так как и те и другие имели ложные сведения о движении вражеской армии.

Каждый, конечно, слышал или читал о битве при Сольферино. Столь волнующее воспоминание о ней не может изгладиться, тем более что последствия этого дня до сих пор чувствуются во многих государствах Европы.

По особенному стечению обстоятельств мне, простому туристу, не причастному к этой страшной борьбе, довелось присутствовать при тех потрясающих сценах, которые я решился описать. Это исключительно личные впечатления, поэтому на этих страницах не следует искать ни специальных подробностей, ни стратегических данных, которые приводятся в других книгах.

В достопамятный день 24 июня более 300 тысяч человек столкнулись лицом к лицу: сражение развернулось на линии фронта шириной 5 миль и продолжалось более 15 часов.

Австрийская армия после тяжелого перехода в ночь с 23-го должна была выдерживать с рассвета 24 июня натиск союзных войск. Стояла душливая жара, и люди страдали от голода и жажды, так как за весь день получили только двойную порцию водки и никакой пищи. Во французской армии, выступив-

шей до рассвета, солдаты получили тоже только утренний кофе. Поэтому к концу этой страшной битвы истощение сражающихся, а главное – несчастных раненых, было немыслимым!

Около трех часов утра оба корпуса под командованием маршалов Бараге д'Иллие и Мак-Магона двинулись на Сольферино и Кавриану, но сразу за Кастильоне их передовые части натолкнулись на австрийские аванпосты, отстаивающие свои позиции.

Обе армии готовятся к бою.

Со всех сторон гудят трубы и бьют барабаны.

Император Наполеон, ночевавший в Монтекьяро, спешно направляется к Кастильоне.

В шесть часов начинается настоящий бой.

Австрийцы в боевом порядке идут по ровным, свободным дорогам. В центре этой плотной движущейся массы белых мундиров развеваются желтые с черным знамена с германским императорским орлом.

Из всех частей войск, готовых к сражению, особенно ярко и величественно выделяется французская гвардия. Погода чудная, и ослепительное солнце Италии играет на блестящих латах драгун, улан и кирасир.

В самом начале сражения император Франц-Иосиф выехал из главной квартиры со своим штабом и направился в Вольту. Его сопровождали эрцгерцоги лотарингского дома – великий герцог Тосканский и герцог Моденский.

Французской армии приходится выдерживать первый натиск и продвигаться по местности, совершенно незнакомой, прокладывая себе дорогу сквозь густые ряды тутовых деревьев, перевитых виноградом и представляющих весьма значительные препятствия. На пути во множестве встречаются высохшие канавы и длинные стены – от 3 до 5 футов в высоту, но очень широкие в основании и сужающиеся к самому верху. Лошадям приходится на них взбираться и перепрыгивать канавы.

Австрийцы, расположившиеся на пригорках и возвышенностях, встречают французскую армию пушечным огнем, непрерывно извергая целый град бомб, ядер и гранат.

Фонтаны земли и пыли от разрывов снарядов смешиваются с облаками порохового дыма. Под ураганным огнем артиллерии

французы, подобно бурному потоку, бросаются на приступ позиций, которые они решили отбить во что бы то ни стало.

Самый ожесточенный бой разгорается во время тропического полуденного зноя.

Колонны в сомкнутом строю бросаются друг на друга как бушующий поток, все разрушающий на своем пути. Полки французов цепью стремительно надвигаются на многочисленные, угрожающие массы австрийцев, которые стойко, как железная стена, выдерживают натиск. Целые дивизии бросают ранцы, чтобы они не стесняли движения солдат в штыковой атаке. Если один батальон отбит, на его место сейчас же является другой. За каждый пригорок, за каждую высоту идет ожесточенный бой. Груды тел валяются на склонах и в оврагах.

Сойдясь в рукопашной, австрийцы и союзники топчут друг друга ногами, дерутся на окровавленных трупах, убивают противников прикладами и распарывают саблями или штыками. Это настоящая резня, борьба диких зверей, обезумевших и опьяневших от потоков крови. Даже раненые отчаянно защищаются до последнего: у кого нет оружия, тот хватается противника за горло и рвет его зубами.

Тут такой же бой, но он становится еще страшнее – эскадрон кавалерии несется во весь опор: лошади давят подковами мертвых и раненых. Одному оторвало челюсть, другому размозжило череп, третьему, которого можно было еще спасти, раздробило ребра. Ржание лошадей, проклятия, крики бешенства и стоны разносятся в воздухе.

Тут артиллерия мчится за кавалерией, прокладывая себе дорогу по телам убитых и раненых: мозги вытекают из черепов, живые и мертвые раздавлены, земля пропитывается кровью, и вся равнина усеяна кусками человеческой плоти.

Французские войска штурмуют высоты и с дикой отвагой карабкаются на обрывистые холмы и скалистые склоны под градом австрийских пуль и бомб. Если какой-нибудь роте посчастливилось взобраться на пригорок, ее солдаты, изнемогающие от усталости и обливающиеся потом, выбивают австрийцев со всех позиций, сбрасывают их и ожесточенно преследуют даже в оврагах и канавах.

Позиции австрийцев очень выгодны и удобны – они укрылись в домах и церквях Медолы, Сольферино и Каврианы. Но ничто не останавливает, не ослабляет резню: дерутся везде, все со всеми и один на один. Каждую пядь земли отбивают штыками, берут деревни дом за домом, ферму за фермой, все превращается в поле битвы, дерутся у каждой двери, у каждого окна, все дворы превратились в бойни.

Французская картечь производит страшный разгром в австрийской армии, причем на очень дальнем расстоянии: мертвые тела усеивают все склоны холмов, потери есть даже среди резервов, находящихся в отдалении от германской армии. Если удастся потеснить австрийцев, они продолжают оказывать ожесточенное сопротивление и вновь наступают. Их ряды снова и снова пополняются и опять прорываются.

На равнине ветер поднимает клубы пыли и, застилая дороги густыми облаками, окутывает все вокруг, ослепляя сражающихся.

Иногда кажется, что бой кое-где ослабевает, но он опять разгорается с удвоенной силой. Австрийские резервы сейчас же пополняют урон, нанесенный смертельным ожесточенным натиском. Со всех сторон слышна дробь барабанов и звуки труб, дающих сигнал к атаке.

Гвардия действует с удивительной отвагой. Стрелки и пехота тоже ей не уступают. Зуавы, как дикие звери, бросаются со штыками, яростно крича. Французская кавалерия несется на австрийскую, гусары и уланы прокалывают друг друга. Даже лошади, возбужденные резней, участвуют в борьбе, бросаются на неприятельских лошадей и яростно кусают их, пока всадники рубятся и крушат противников. Ожесточение так сильно, что солдаты, за неимением зарядов или сломав ружья, дерутся врукопашную и бросаются камнями. Хорваты режут всех, кто им попадется; они приканчивают раненых ударами прикладов, а алжирские стрелки, зверство которых не могут обуздать командиры, добивают несчастных умирающих австрийских офицеров и солдат и с диким ревом бросаются в схватку.

Самые сильные позиции уступают и опять захватывают по несколько раз. Люди валятся тысячами, простреленные, искалеченные или смертельно раненные всевозможными снарядами.

Сторонний наблюдатель, стоящий на возвышенностях около Кастильоне, если и не видит полной картины сражения, все же понимает, что австрийцы хотят прорвать центр союзных войск, чтобы сдержать и ослабить атаки на Сольферино, которое из-за своего исключительного положения станет главным местом борьбы. Он угадает и старания императора французов собрать воедино все части своей армии в целях взаимной помощи и поддержки.

Быстро и точно оценив ситуацию, Наполеон, видя, что в австрийских войсках нет согласованности и единого управления, приказывает корпусам Бараге д'Иллие и Мак-Магона и императорской гвардии под командованием известного своей храбростью маршала Реньо де Сен-Жан д'Анжели атаковать одновременно укрепления Сольферино и Сан-Кассиано, чтобы прорвать центр неприятельской армии, состоящей из корпусов Стадиона, Клам-Галласа и Цобеля, которые недостаточно успешно защищают эти столь важные позиции.

В Сан-Мартино доблестный и отважный маршал Бенедек с частью второй австрийской армии в течение целого дня отбивает атаки всей сардинской армии, героически сражающейся под командованием своего короля, который воодушевляет ее своим присутствием.

Правый фланг союзной армии, состоящий из корпусов генерала Ньеля и маршала Канробера, с неукротимой энергией отбивается от первой германской армии, под командованием графа Вимпфена, но составляющим ее трем корпусам Шварценберга, Шаффготше и Вейгля никак не удается действовать согласованно.

Маршал Канробер, точно следуя приказаниям императора Наполеона занимать выжидательную позицию, на что были достаточно серьезные причины, не пускает в ход все свои силы с утра. Тем не менее большая часть его корпуса, дивизии Рено и Трошю и кавалерия генерала Партуно спустя некоторое время принимают активное участие в деле.

Если маршала Канробера первое время сдерживает ожидание возможного нападения на него корпуса принца Эдуарда Лихтенштейнского, не входящего в состав двух австрийских ар-

мий, но выступившего в то же утро из Мантуи, что очень тревожило Наполеона, – то и корпус Лихтенштейна был полностью скован маршалом Канробером и опасением приближения корпуса Наполеона, по приказу которого дивизия под командованием Отмара уже шла из Пьяченцы.

Генералам Форэ и де Ладмиро со своими доблестными воинами пришлось первыми вступить в бой в тот достопамятный день. В результате неимоверных усилий они овладели возвышенностями, ведущими к красивому Кипарисовому холму, навеки прославившемуся наравне с башней и кладбищем Сольферино своими кровавыми сценами и ставшему немым свидетелем невиданной, ужасающей резни. Наконец Кипарисовый холм взят приступом, и на его вершине полковник д'Овернь в знак победы размахивает платком, насаженным на саблю.

Победы эти достались дорогой ценой, и потери союзных войск очень значительны. У генерала де Ладмиро плечо раздроблено пулей: раненого героя с трудом удастся уговорить сделать перевязку в лазарете, устроенном в часовне соседней деревушки, после чего, несмотря на тяжесть своего ранения, он пешком возвращается к своим солдатам и продолжает воодушевлять их, но вторая пуля простреливает ему левую ногу.

Генерал Форэ, сохраняющий спокойствие и хладнокровие, несмотря на всю трудность своего положения, ранен в бедро. Белый плащ, надетый на военный мундир, прострелен в нескольких местах, его адъютанты падают рядом с ним мертвыми; одному из них, капитану Кервенозлю, двадцати пяти лет, снесло череп осколком гранаты.

У подножия Кипарисового холма генерал Дье, ведущий своих стрелков, падает с лошади, смертельно раненый. Генерал Дуэ ранен, а в нескольких шагах – брат его, полковник Дуэ, он убит. Бригадному генералу Оже раздробило левую руку ядром; его производят в дивизионные генералы прямо на поле битвы, где ему было суждено погибнуть.

Французские офицеры всегда впереди, размахивая саблями и увлекая солдат своим примером. Их убивают одного за другим: легко отличимые по эполетам и орденам, они становятся мишенью для тирольских стрелков.

Сколько драм, сколько событий и захватывающих перипетий!

В 1-м полку африканских стрелков рядом с подполковником Лораном дез Онд, убитым наповал, сублиейтенант де Салиньяк Фенелон, двадцати двух лет, врывается в австрийское каре и платит жизнью за свой подвиг.

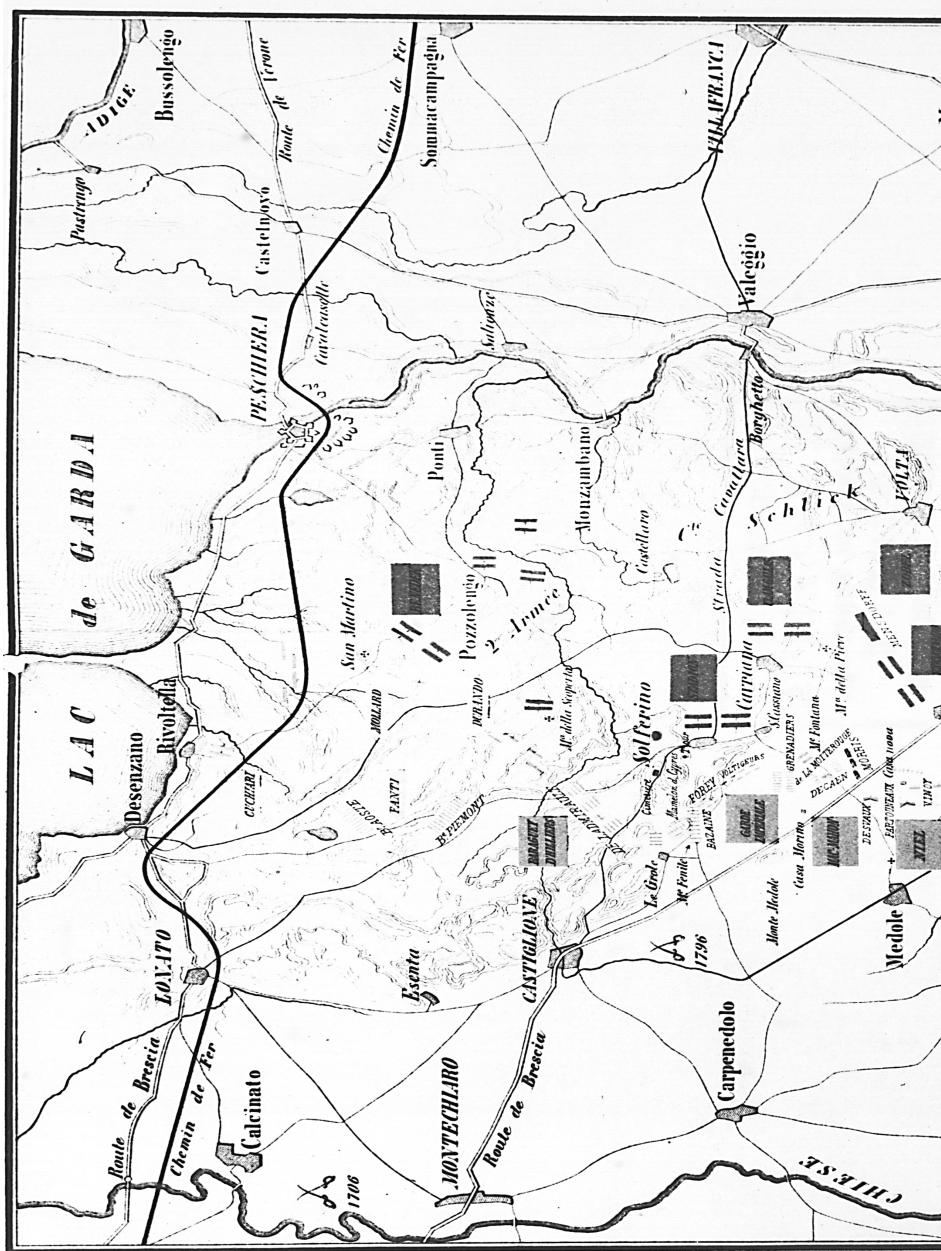
Полковник Мальвиль на ферме Каза-Нова под страшным огнем неприятеля, много превосходящего численностью, не имея больше зарядов, хватая полковое знамя и, бросаясь вперед, обращается к воинам с такими словами: «Кто любит свое знамя – за мной!» Солдаты, изможденные голодом и усталостью, бросаются за ним в штыки. Пуля простреливает ему ногу, его приходится поддерживать в седле, но, несмотря на жестокие страдания, он продолжает командовать.

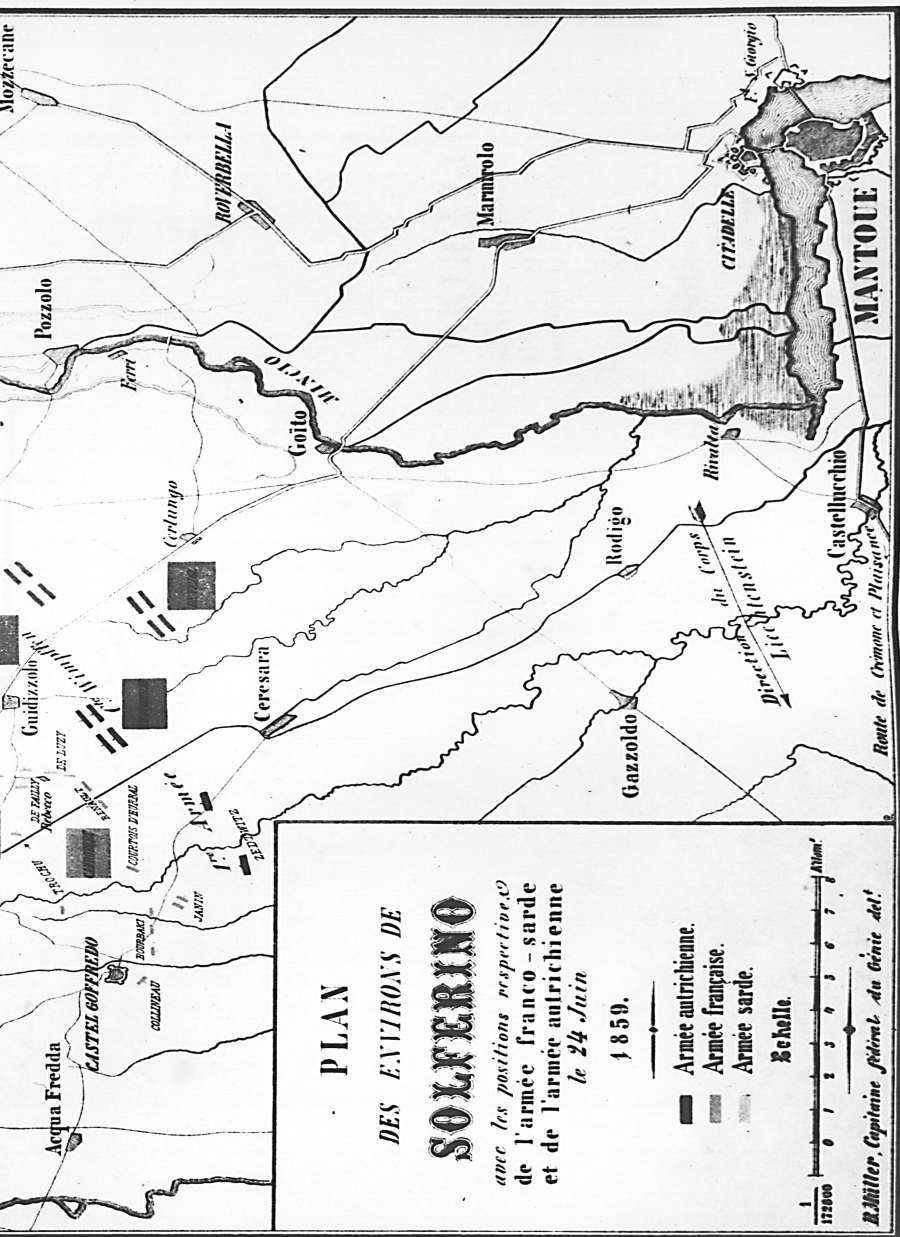
Тут же батальонный командир Эбер убит, отстаивая штандарт. Его, упавшего, топчут ногами, но он еще кричит своим, умирая: «Смелей, братцы!»

На холме у башни Сольферино лейтенант пеших гвардейских стрелков Монелья один захватывает шесть орудий, из них четыре – вместе с обслуживающими их расчетами, под командой австрийского полковника, который вручает ему свою саблю.

Лейтенант де Гизель несет знамя линейного полка, когда его батальон окружает неприятель, в десять раз превосходящий численностью. В него стреляют, он валится, катясь по земле, прижимая к груди драгоценную ношу. Сержант подхватывает знамя, чтобы оно не попало в руки врагов, и ему отрывает голову ядром. Капитан берется за знамя, но тут же заливают его своей кровью: полотнище его рвется, древко ломается. Все берущие знамя офицеры и солдаты падают один за другим, раненые, но, живые или мертвые, защищают его своими телами. В итоге истерзанная реликвия остается в руках старшего сержанта полка под командованием полковника Абаттуччи.

Майор де Ла Рошфуко Лианкур из полка африканских стрелков храбро бросается на каре венгров, но его лошадь получает несколько пуль, и он падает, дважды раненный, и взят в плен сомкнувшимся вокруг него неприятелем.

Карта Сольтерино с окрестностями (1859 г.)

В Гуидиццоло австрийский полковник принц де Карл Виндиш-Грец идет на верную смерть, пытаясь со своим полком снова овладеть крепкой позицией на ферме Каза-Нова. Этот принц, не боявшийся смерти, благородный и великодушный, уже смертельно раненый, продолжает командовать. Солдаты поддерживают его, несут на руках, неподвижно стоят под градом пуль, прикрывая собой. Они знают, что будут убиты, но не хотят оставить своего полковника, которого любят и уважают. Вскоре он умирает.

Лейтенант-фельдмаршалы граф де Кренневиль и граф Палффи, доблестно сражаясь, тяжело ранены, а в корпусе барона Вейгля ранены фельдмаршал Бломберг и генерал-майор Балтин. Барон Штурмфедер, барон Пидолл и полковник фон Мумб убиты. Лейтенанты фон Штайгер и фон Фишер убиты наповал недалеко от принца Изембургского, которому повезло больше: его выбрали на поле боя еще с признаками жизни.

Маршал Бараге д'Иллие в сопровождении генералов Лебефа, Базена, де Негрие, Дуэ, д'Альтона и Фаржо, полковников Камбриеля и Мишле пробрался в деревню Сольферино, которую охраняли граф Стадион и лейтенант-фельдмаршалы Палффи и Штернберг. Бригады Билса, Пухнера, Гааля, Коллера и Фестетикса долго отбивали ожесточенные атаки, в которых особенно отличились генерал Каму со своими стрелками, полковники Бренкур и де Таксис, все раненые, и подполковник Эмар, убитый двумя пулями в грудь.

Генерал Дево с присущей ему храбростью и замечательным хладнокровием выдерживает со своей кавалерией страшный натиск венгерской пехоты. Смелая атака его эскадронов подкрепляет наступление генерала Трошю на корпуса Вейгля, Шварценберга и Шаффготше в Гуидиццоло и в Ребекко, где генералы Морри и Партуно побеждают кавалерию Менсдорфа.

Непоколебимая стойкость, с которой генерал Ньель в долине Медолы и генералы де Файи, Винуа и де Люзи задерживают три большие дивизии армии графа Вимпфена, дает возможность маршалу Мак-Магону с генералами де Ла Мотруж и Декэном и гвардейской кавалерии обогнуть высоты, открывающие доступ к позициям Сан-Кассиано и Каврианы, и закрепиться на ряде холмов, идущих параллельно местности, где стянуты войс-

ка фельдмаршалов Клам-Галласа и Цобеля. Но принц Гессенский, один из героев австрийской армии, достойный противник знаменитого победителя при Мадженте, геройски занявший Сан-Кассиано, стойко защищает против отчаянного наступления три высоты на горе Фонтана. Генерал де Севеленж приказывает втащить туда нарезные орудия под огнем австрийцев. Лошади не могут взобраться по крутым склонам, и вместо них впрягаются гвардейские гренадеры. Для того чтобы батареи, доставленные на эти холмы таким оригинальным способом, могли ударить по врагу, гренадеры снабжают артиллеристов снарядами, образовав живую цепь от ящиков, оставшихся на равнине, до орудий.

Генерал де ла Мотруж овладевает наконец Каврианой, несмотря на отчаянное сопротивление и многократные контратаки молодых германских офицеров.

Стрелки генерала Манека запасаются зарядами тем же способом, что и гренадеры, но, снова быстро истощив их, бросаются в штыки на холмы между Сольферино и Каврианой и, несмотря на численное превосходство неприятеля, отбивают наконец эти позиции с помощью генерала Меллине.

Ребекко захватывают союзные войска, потом опять отбивают австрийцы, и после еще нескольких переходов из рук в руки его окончательно отстаивает генерал Рено.

При штурме горы Фонтана алжирские стрелки понесли ужасные потери, их полковники Лор и Эрман убиты, как и большинство офицеров, что еще больше усиливает их ярость: они горят желанием отомстить за своих убитых и яростно, без передышки бросаются на врагов с бешенством африканцев и фанатизмом мусульман, убивая и раскраивая их, как звери, жаждущие крови.

Хорваты распластываются на земле, прячутся в канавах, подпускают противника, потом резко вскакивают и стреляют в упор.

В Сан-Мартино офицер берсальеров капитан Паллавичини ранен. Солдаты на руках уносят его в часовню, где ему оказывают первую помощь, но отбитые австрийцы тут же снова наступают и проникают в часовню. Берсальеры, слишком малочисленные, чтобы оказать сопротивление, вынуждены оставить своего начальника. Тогда хорваты вооружаются большими кам-

нями, лежащими у входа в часовню, раздавливают ими голову несчастного капитана, и его мозг брызжет на их мундиры.

Во время этой борьбы, столь разнородной и непрерывной, слышатся проклятия из уст людей разных национальностей, многие из которых принуждены были стать убийцами в двадцать лет!

Среди самого ожесточенного боя, когда содрогалась сама земля, исхлестанная железным и свинцовым градом, а в воздухе непрерывно сверкали огни, как смертоносные молнии, все прибавляя новые жертвы к этой человеческой гекатомбе. Духовник императора Наполеона аббат Лен обходил перевязочные пункты, утешая и напутствуя умирающих.

Сублейтенанту линейного полка раздробило левую руку, и кровь льется из раны. Он сидит под деревом, в него целится венгерский солдат, но офицер вовремя останавливает его, подходит к раненому французу, сочувственно жмет ему руку и приказывает перенести его в более безопасное место.

Маркитантки не уступают храбростью солдатам. Под неприятельским огнем они подбирают изувеченных солдат, молящих дать им хоть каплю воды, и, пытаясь напоить их и оказать помощь, сами получают ранения¹. Тут изнемогает под тяжестью своей лошади, убитой осколком гранаты, гусарский офицер, уже истощенный потерей крови; тут мчится обезумевшая лошадь, влача за собой окровавленный труп своего всадника; а там лошади, более человеческие, чем люди, стараются не наступать на жертв этой ужасающей резни.

Офицер иностранного легиона убит наповал, его собака, привезенная из Алжира, страшно привязанная к своему хозяину, любимица всего батальона, пошла дальше со своими, но вскоре, тоже простреленная, дотацилась до трупа своего хозяина и издохла около него. В другом полку коза, прирученная стрелком и очень любимая всеми солдатами, невредимой добралась до Сольферино под пулями и картечью.

¹ Может быть, именно их вместе с десятью солдатами, которые везли боеприпасы и продовольствие во французский лагерь из Веракрус и были захвачены партизанами на расстоянии мили от Техерии, 9 июня 1862 г. сожгли мексиканцы, цепями привязав людей живыми к фурам с порохом.

Сколько храбрецов, несмотря на раны, упорно идут вперед, пока, наконец, не валятся в совершенном изнеможении, они уже не в состоянии продолжать сражаться. В другом месте, наоборот, целые батальоны вынуждены неподвижно стоять под косящим их неприятельским огнем в ожидании приказа двинуться и обречены на роль пассивных свидетелей борьбы, включиться в которую они мечтают всей душой.

Сардинцы с утра до вечера то приступами, то в схватках защищают и отбивают высоты Сан-Мартино, Ракколо, Мадонна делла Скоперта, которые по пять или шесть раз переходят из рук в руки, и овладевают наконец Поццоленго, хотя сражаются только дивизиями, действуя поочередно и недостаточно согласованно. Их генералы – Моллар, де Ла Мармора, Делла Рокка, Дурандо, Фанти, Кьялдини, Куччиари, де Соннац – с офицерами всех чинов и родов оружия всячески стараются помочь своему королю, на глазах которого ранены генералы Перье, Церале и Арнольди.

После маршалов и дивизионных генералов французской армии нельзя не воздать должное также и бригадным генералам, блестящим полковникам и храбрым капитанам и майорам, так сильно содействовавшим конечному успеху, ознаменовавшему тот достопамятный день. И действительно, велика была слава сражаться и победить таких героев, как принц Александр Гессенский, Стадион, Бенедек, Карл фон Виндиш-Грец¹.

¹ По поводу генерала Форе приведем несколько слов из прекрасного сочинения полковника Эдмона Фавра *L'Armée prussienne et les manœuvres de Cologne de 1861*: «В тот же день король пригласил нас всех к обеду в замок Бенрат близ Дюссельдорфа... Садясь за стол, король взял за руки генерала Форе и генерала Паумгартена и сказал им, смеясь: «Теперь, когда вы опять друзья, садитесь тут рядом и беседуйте», дело в том, что Форе был победителем Монтебелло, а Паумгартен – его противником; теперь они могли спокойно обсуждать и передавать друг другу все подробности этого дела. Глядя на дружелюбную улыбку австрийского генерала, видно было, что месть и злоба миновали, а французский генерал, как известно, и повода к ним не имел. Это война, это жизнь солдата. Генералы, так мирно беседующие этой осенью, через год, возможно, снова сойдутся в жестоком бою, а еще через год опять будут где-нибудь вместе обедать!»

«Нас точно ветром несло, – образно говорил мне совсем еще молодой солдат линейного полка, пытаясь объяснить азарт, с которым его товарищи бросались в схватку. – Пахнет порохом, пушки палят, барабаны бьют, трубы гудят – все это увлекает и возбуждает!» В этой борьбе действительно каждый человек дрался, точно исход дела зависел лично от него.

Унтер-офицеры французской армии отличаются какой-то особой отвагой и храбростью. Препятствий для них не существует, и они всегда бросаются в самые опасные места, увлекая за собой солдат, будто спешат на праздник. Пожалуй, этим отчасти объясняется превосходство французской армии над армиями других великих держав.

Войска императора Франца-Иосифа отступили. Армия графа Вимпфена первой получила приказ начинать отход – еще до того, как маршал Канробер пустил в ход все свои силы. Армия графа Шлика, несмотря на стойкость графа Стадиона, слабо поддерживаемая лейтенант-фельдмаршалами Клам-Галласом и Цобелем, за исключением принца де Гессе была вынуждена оставить все свои позиции, превращенные австрийцами в настоящие крепости.

Солнце вдруг скрылось, и густые тучи заволокли небо; поднялся страшный ветер, ломающий деревья и разносящий ветви и листья по воздуху; холодный проливной дождь потоками льется на сражающихся, и без того обессиленных голодом и усталостью. Порывы ветра поднимают столбы пыли, которая затрудняет видимость, и солдатам еще приходится бороться с бушующей стихией. Австрийцы, разбросанные бурей в разные стороны, собираются по команде офицеров. Но к пяти часам ожесточение борьбы с обеих сторон ослабевает из-за дождя, града, молний, грома и темноты, окутавшей поле сражения.

Во все время военных действий глава Габсбургского дома выказывал изумительное спокойствие и хладнокровие. Взятие Каврианы застало его с графом Шликом и его адъютантом принцем Нассауским на ближайшем холме Ла Мадонна делла Пьеве около церкви, окруженной кипарисами. Когда австрийский центр подался, а левый фланг потерял уже вся-

кую надежду отбить позиции союзников, было решено общее отступление, и император в эту торжественную минуту должен был, примирясь с обстоятельствами, направиться к Вольте с частью своего штаба, а эрцгерцоги и наследный принц Тосканский удалились в Валеджо. Во многих местах немецкими войсками овладела настоящая паника, и некоторые полки вместо отступления обратились в бегство. Напрасно офицеры, сражавшиеся как львы, старались их удержать: уговоры, брань, побои – ничего не действовало. Ужас слишком силен, и эти солдаты, храбро воевавшие весь день, предпочитают побои и оскорбления и все равно бегут.

Отчаяние императора австрийского невообразимо: он вел себя героически в течение всего дня под градом пуль и гранат, а теперь он не может удержаться от слез, видя это поражение. Вне себя от горя, он скачет навстречу беглецам, укоряя их в трусости. Успокоившись после этого проявления горячности, он молча окинул взглядом мрачную картину опустошения. Крупные слезы катились по его щекам, и он только по настоянию своих адъютантов согласился оставить Вольту и поехал в Валеджо.

Удрученные, озлобленные и отчаявшиеся, австрийские офицеры ищут смерти, но заставляют дорого заплатить за свою жизнь. Многие кончают самоубийством от горя и негодования, не в силах перенести это страшное поражение, но никто не возвращается в свой полк иначе, как залитый кровью врагов или своей собственной. Отдадим должное их смелости.

Император Наполеон в течение всего дня появлялся там, где его присутствие могло оказаться необходимым. В сопровождении маршала Вайана, начальника штаба армии, генерала Мартемпре, заместителя начальника штаба армии, графа Роге, графа Монтебелло, генерала Флери, князя Московского, полковников Рея и Робера, других военачальников и эскадрона гвардии, он постоянно направлял сражение, появляясь там, где всего труднее было преодолеть препятствия, не заботясь об опасности, которая постоянно грозила ему самому. У холма Фениль под бароном Ларре, его хирургом, была убита лошадь, и несколько гвардейцев, сопровождавших его, получили ра-

нения. В Кавриане Наполеон занял дом, в котором в тот же день останавливался император австрийский и оттуда послал императрице телеграмму, извещающую о своей победе.

Французская армия расположилась на позициях, отвоеванных в тот день: гвардия заняла местность между Сольферино и Каврианой, оба первые корпуса заняли ближайшие к Сольферино холмы, третий корпус был в Ребекко, а четвертый – в Вольте.

Гуидиццоло до десяти часов вечера оставался занятым австрийцами, которые отступали под прикрытием фельдмаршала Вейгля с левого фланга и фельдмаршала Бенедекка с правого. Последний до глубокой ночи отстаивал Поццоленго и прикрывал отход графов Стадиона и Клам-Галласа. Бригады Коллера и Гааля и полк Рейшаха вели себя очень достойно. Бригады Бранденштейна и Вуссина под командованием принца Гессенского направились в Вольту, где помогали переправе артиллерии через Минчо на Боргетто и Валеджо.

Разбредшихся австрийских солдат собирают и отправляют в Валеджо. Дороги запружены фурами с поклажей разных частей войск, артиллерийскими припасами и разборными мостами. Фуры теснят друг друга и опрокидываются, торопясь как можно быстрее добраться до Валеджо. Обозы удалось сохранить благодаря устройству паромных переправ. Первый транспорт легкораненых въезжал в это время в Виллафранку, затем были доставлены те, у кого были более тяжелые ранения, и их огромный наплыв продолжался всю эту печальную ночь. Врачи делали им перевязки, подкрепляли пищей и отправляли по железной дороге в Верону, где все было битком набито. Хотя армия при своем отступлении и увезла всех раненых, поместившихся в повозках и фургонах, сколько еще осталось несчастных на земле, орошенной их кровью!

К вечеру, когда сумерки спускались на поле кровавой битвы, не один французский офицер и солдат отыскивали тут друга, земляка или товарища. Если находили знакомого, опускались около него на колени, старались привести в чувство, пожимали руку, утирали кровь, перевязывали рану платком, но каплю воды достать бедному страдальцу было невозможно.

Сколько молчаливых слез было пролито в этот ужасный вечер, где не было места ложному самолюбию и прочим условностям!

Во время сражения передвижные лазареты были развернуты на фермах, в домах, в церквях, соседних монастырях и даже под открытым небом, в тени деревьев: тут делали перевязки раненым утром офицерам, потом унтер-офицерам и солдатам. Французские хирурги проявляли неутомимую самоотверженность, и многие в течение суток не отдыхали ни минуты. Двоим из них, работавшим в полевом лазарете доктора Мери, старшего врача гвардии, пришлось сделать так много ампутаций и перевязок, что они упали в обморок. В другом пункте один из докторов так измучился, что два солдата поддерживали ему руки, чтобы он мог продолжать работать.

Во время битвы черным флагом обозначались места расположения раненых или лазареты полков, участвующих в деле, и по обоюдному молчаливому согласию эти пункты не обстреливают. Иногда, правда, бомбы залетают и туда, не щадя ни фельдшеров, ни фургоны с хлебом, вином и мясом для больных. Раненые солдаты, которые еще могут ходить, сами идут на эти пункты; других переносят на носилках, так как они обессилены от потери крови и долго не получали помощи.

При таком пересеченном рельефе и резких изменениях, происходивших на различных этапах этой колоссальной битвы, которая развернулась на фронте шириной более 20 километров, солдаты, офицеры и генералы не могли точно знать результатов всех боев, а во время самих военных действий они едва могли себе представить и понять, что происходит рядом. Вавстрийской армии это неведение еще усугублялось неопределенностью или даже отсутствием общих точных распоряжений.

На всех высотах от Кастильоне до Вольты горят тысячи костров, в которых жгут обломки австрийских снарядных ящиков и ветви деревьев, поваленных ветром или ядрами. Солдаты сушат у этих костров свою промокшую одежду, спят на камнях или на голой земле. Более крепкие пока не спят — надо добыть воды для супа и кофе после целого дня без отдыха и пищи.

Битва при Сольферино

«Колонны в сомкнутом строю бросаются друг на друга как бушующий поток, все разрушающий на своем пути» (с. 37)

Сколько волнений, горьких разочарований и душераздирающих сцен! Целые батальоны не имеют припасов, другие, которым было приказано бросить ранцы, лишены вообще всего. Очень не хватает воды, а жажда так нестерпима, что офицеры и солдаты пьют из грязных луж, покрытых коркой из подсыхающей крови.

Гусары, которые возвращались издалека с водой и дровами около одиннадцати часов вечера в свой бивуак, чтобы сварить кофе, по дороге увидели столько умирающих, молящих дать им воды, что истощили почти весь свой запас, исполняя долг милосердия. Кофе, наконец, сварили, но вдруг вдали раздались выстрелы; забили тревогу. Гусары бросились к лошадям, устремляясь туда, откуда раздавалась стрельба, кофе разлили в суете, но вскоре выяснилось недоразумение: стреляли не вновь наступающие враги, как предположили, а французские аванпосты по своим же солдатам, которые пошли за водой и были приняты часовыми за австрийцев. После этой тревоги измученные и голодные кавалеристы возвращаются, падая прямо на землю, чтобы проспать остаток ночи. И они снова оказываются среди многочисленных раненых, которые постоянно просят пить. Тиролец, лежавший неподалеку, умолял дать ему воды, но ее не было ни капли. Наутро его нашли мертвым, с пеной у рта. Вспухшее лицо было зелено-черное, и рот полон земли. Он мучился в страшных судорогах целую ночь, и все ногти на руках оказались содранными.

В ночной тишине слышатся стоны, приглушенные вздохи отчаявшихся, душераздирающие крики о помощи: никто не в силах передать весь ужас этой ночи!

25 июня солнце осветило самое ужасное зрелище, какое только может представить себе человеческое воображение. Все поле битвы усеяно трупами людей и лошадей; дороги, канавы, овраги, кустарник, луга – все буквально завалено мертвыми телами, а в окрестностях Сольферино земля сплошь покрыта ими. Поля изрыты, пшеница и кукуруза затоптаны, изгороди сломаны, фруктовые сады разорены, кое-где стоят лужи крови. Деревни опустели, и везде видны воронки от бомб и гранат, следы пуль. Стены расшатаны и дали трещины; в них зияют огромные про-

ломы от ядер. Многие дома изрешечены пулями, перекошены и разрушены. Жители более суток прятались в подвалах, оставаясь в темноте и без пищи. Теперь они выходят из своих убежищ, и видно по их лицам, какой страх они пережили.

В окрестностях Сольферино, особенно на деревенском кладбище, земля усеяна ружьями, ранцами, касками, кепи, металлическими мисками, поясными ремнями, всевозможными частями обмундирования, обломками оружия и клочьями одежды, пропитанными кровью.

Несчастные раненые, которых подбирают в течение дня, мертвенно бледны и совершенно обессилены; у некоторых, особенно у тяжелораненых, взгляд отупелый, они словно ничего не понимают, смотрят бессмысленно, но эта прострация только кажущаяся и не мешает им ощущать страдания. Иные возбуждены, и их бьет нервная дрожь. Другие, с воспаленными, зияющими ранами, точно обезумели от жестоких страданий. Они корчатся, умоляют их прикончить и с искаженными лицами бьются в предсмертных судорогах.

Там несчастные, не только раненные пулями и осколками снарядов, но еще и с раздробленными руками или ногами от проехавших по ним артиллерийских орудий. От ударов цилиндрических пуль кости разлетаются во все стороны, так что эти раны всегда очень опасны. Осколки гранат и конические пули дробят кости, тоже вызывают сильную боль и нередко наносят ужасные внутренние повреждения. Всевозможные осколки, обломки костей, клочки одежды, остатки снаряжения, земля, куски свинца раздражают раны и усиливают мучения раненых.

На всем громадном поле вчерашней битвы на каждом шагу наталкиваешься на сцены невообразимого отчаяния и жесточайших страданий.

Многие полки бросили ранцы, и все содержимое их исчезло, так как ломбардские крестьяне и алжирские стрелки брали все, что им попадалось под руку. Гвардейские стрелки и пехотинцы сбросили ранцы поблизости от Кастильоне, чтобы было удобнее идти на приступ Сольферино, на помощь дивизии Форе. Они сражались до позднего вечера, ночевали в окрестностях Каврианы, а утром пошли за своими ранцами, но нашли их пустыми —

за ночь взяли все. Потеря была жестокой: нечем было заменить рваную и перепачканную форму. Пропали и их скромные сбережения, и мелкие вещицы, дорогие как память о родине, о матерях, сестрах или невестах.

Во многих местах воры грабят мертвых и не щадят даже еще живых раненых. Ломбардские крестьяне особенно падки на обувь, которую они сдирают с опухших ног мертвецов.

Наряду с этими достойными сожаления эпизодами есть и по-настоящему драматические и даже трогательные сцены. Вот старый генерал Ле Бретон бродит, отыскивая своего зятя, раненого генерала Дуэ. Он оставил свою крайне обеспокоенную дочь, жену генерала Дуэ, в нескольких милях отсюда посреди всеобщей неразберихи. Вот тело подполковника де Нешеза, который, увидев, что его начальник, полковник Вобер де Женлис, тяжело раненный, падает с лошади, бросился заменить его и сам упал, сраженный пулей в сердце. Невдалеке и сам полковник де Женлис. Ему делают перевязку, и он весь дрожит в лихорадке. Там младшему лейтенанту конной артиллерии Сельву де Сарану, только месяц назад вышедшему из Сен-Сира, будут ампутировать правую руку. Вот бедный старший сержант венсенских стрелков, у которого прострелены обе ноги. Я его еще увижу в Брешии в больнице, потом в вагоне железной дороги на пути из Милана в Турин. Ему все-таки суждено умереть в дороге от последствий этих ран. Лейтенант Гизель, которого считали мертвым, найден на том же месте, где без чувств упал со знаменем. Тут же, среди груды тел улан, австрийских стрелков, зуавов и алжирских стрелков, лежит в нарядном восточном мундире труп мусульманского офицера, лейтенанта алжирских стрелков Ларби бен Лагдара. Его обветренное смуглое лицо покоится на простреленной груди иллирийского капитана в ослепительно белом мундире. От этих разорванных человеческих тел идет пар и запах крови. Полковник де Мальвиль, раненный в героической схватке при Каза-Нова, испускает последнее дыхание; предают земле тело майора де Понжибо, умершего в ночь, и находят тело молодого графа де Сен-Пэра, только неделю назад произведенного в батальонные командиры. Тут же храбрый сублейтенант гвар-

дейских стрелков Фурнье, тяжело раненный накануне, заканчивает в двадцать лет свою военную карьеру: в десять лет он добровольно поступил в солдаты, в одиннадцать был произведен в капралы, а в шестнадцать – в младшие лейтенанты, после двух походов в Африку и участия в Крымской кампании, где был ранен при осаде Севастополя¹. Там же, в Сольферино, суждено было умереть одному из славнейших представителей первой французской империи – подполковнику Жюно, герцогу д'Абрантеса, начальнику штаба генералу де Файи.

Нехватка воды ощущается все сильнее; канавы пересохли, и солдаты в большинстве случаев утоляют жажду, используя непригодную для питья солоноватую воду. У колодцев и фонтанов часовые с ружьями охраняют воду для больных. У Каврианы загнившее болото в течение двух суток служит единственным водопоем для 20 тысяч лошадей кавалерии и артиллерии. Раненые лошади, потерявшие своих всадников и блуждавшие всю ночь, точно за помощью приходят к своим; их приканчивают пулей в лоб. Одна лошадь в великолепной сбруе пришла к французскому отряду. В плаще, уцелевшем на седле, оказались письма и вещи, по которым узнали, что она принадлежала храброму принцу Изембургскому. Стали искать австрийского принца и нашли его без чувств от сильной потери крови. Благодаря своевременной помощи французских хирургов он смог впоследствии вернуться к родным, которые, не имея известий, считали его погибшим и уже несколько недель носили траур.

В числе убитых есть солдаты с совершенно спокойным выражением лица. Это убитые сразу, наповал. Но большинство несут на себе отпечаток мучительной агонии: конечности сведены судорогой, тело покрыто синеватыми пятнами, скрюченные паль-

¹ Сублейтенант Жан Франсуа Фурнье родился в Метце 6 февраля 1839 г. 4 июня 1849 г. поступил волонтером в Иностранный легион и переведен в Алжир. В капралы произведен 6 апреля 1850 г., в сержанты – 1 апреля 1851 г., в сержант-фурьеры – 11 июля 1852 г. и в старшие сержанты – в 1854 г. Он участвовал в Крымской кампании 1855–1856 гг. старшиной. 20 ноября 1855 г. назначен сублейтенантом в 42-й линейный полк, откуда перешел в том же звании 13 октября 1856 г. во 2-й стрелковый полк императорской гвардии. Смертельно раненый 24 июня 1859 г., он скончался 25 июня.

цы будто продолжают скрести землю, глаза широко распахнуты, усы взъерошены и зловещий оскал обнажает плотно стиснутые зубы.

В продолжение трех суток днем и ночью погребали тела, оставшиеся на поле сражения¹. На таком огромном пространстве много трупов в канавах, в оврагах, кустах и расщелинах были найдены гораздо позднее. Мертвые тела и убитые лошади распространяют зловоние.

Во французской армии отряжают по несколько солдат из каждого полка для опознания и погребения погибших. Они разыскивают личный номер на вещах погибшего и с помощью ломбардских крестьян, которым платят за этот тяжкий труд, опускают тело вместе с одеждой в братскую могилу. К несчастью, есть основания полагать, что из-за спешки, в которой проводилась эта работа, и преступной недобросовестности некоторых крестьян в эту братскую могилу попал и не один живой. Ордена, деньги, часы, письма и бумаги, найденные у офицеров, отсылаются потом их семьям, но при таком количестве тел, требующих погребения, не всегда возможно надлежащим образом справиться с этой задачей.

Единственный сын, обожаемый родителями, выращенный нежной матерью, которую пугало малейшее его недомогание, блестящий офицер, покинувший любимую жену и детей, молодой солдат, оставивший невесту и, может быть, мать, сестер, старика-отца, лежит теперь в пыли, в грязи, залитый собственной кровью, молодое красивое лицо неузнаваемо, сабля и карточка его не пощадили, он страдает и умирает. Его тело, которое так лелеяли, черное, вздутое, обезображенное, бросят сейчас как попало в едва вырытую яму и засыпят несколькими лопатами земли и извести. Хищные птицы будут клевать его руки и ноги, торчащие из рыхлой земли. Потом вернутся, привезут земли, может быть, даже поставят деревянный крест, и больше ничего!

¹ В течение трех недель после 24 июня 1859 г. находили еще на месте сражения убитых солдат обеих армий. Что же касается утверждения, что одного дня 25 июня хватило, чтобы подобрать всех французских раненых, оно совершенно неточно.

Трупы австрийцев, одетых в рваные полотняные куртки, серые заляпанные грязью шинели, залитые кровью белые кители, тысячами лежат на холмах, склонах, в кустах на равнине Медолы. Их позеленевшие тела облепили мухи. Над ними парят хищные птицы в надежде поживиться. Их сотнями сваливают в общие ямы.

Сколько молодых венгров, чехов, румын, только что поступивших на военную службу, после битвы в изнеможении легли на землю и так и не смогли подняться. Ослабленные потерей крови даже при легких ранениях, они умирали мучительной смертью от голода и истощения!

Среди пленных австрийцев многие пребывают в полнейшей панике, поскольку французов и особенно зуавов им представляли лютыми зверями. Приехав в Брешию и увидев бульвар, они серьезно спрашивали, на этих ли деревьях их будут вешать. Многие из них по своей неосведомленности и неведению весьма странно относились к добрым заботам о них французских солдат. Так, в субботу утром один стрелок, сжалившись над лежащим раненым австрийцем, подходит к нему с манеркой и дает пить. Австриец, не веря такой доброте, хватает ружье и из последних сил наносит стрелку сильный удар прикладом по ноге. Гвардейский гренадер хочет поднять искалеченного австрийского солдата; тот, имея при себе заряженный пистолет, в упор стреляет в желавшего помочь ему француза¹.

«Не удивляйтесь грубости и жестокости некоторых наших солдат, – говорил мне пленный австрийский офицер. – В наших войсках есть дикари, пришедшие из отдаленнейших провинций империи, настоящие варвары».

Французские солдаты тоже хотели потешиться над некоторыми пленными, принимая их за хорватов и говоря, что эти

¹ Перед битвой в Мариньяно сардинский часовой при аванпостах не заметил приближения отряда австрийских солдат. Они выкололи ему глаза, чтобы в другой раз был бдительнее. Берсальер, отставший от своей роты, попал в руки австрийцев. Они отрезали ему пальцы и отпустили, сказав по-итальянски: «Пусть тебе дадут пенсию!» Будем надеяться, что эти случаи, вполне достоверные, единственные в своем роде во всей итальянской кампании.

«штаны в обтяжку», как они их называли, всегда добивали раненых. Однако это были венгры, похожие по мундиру на хорватов, но далеко не такие жестокие. Объяснив это различие французским солдатам, мне довольно легко удалось выручить венгров, дрожащих от страха. Вообще в характере французов, за очень редкими исключениями, самое доброжелательное отношение к пленным. Например, командование из учтивости оставило сабли и шпаги австрийским офицерам, которые питались так же, как французские офицеры. Раненых лечили те же доктора, и одному из них даже позволили съездить за своими вещами. Многие французские солдаты братски делят пищу с пленными, умирающими от голода. Другие на своих спинах приносят раненых противников на перевязочные пункты и оказывают им всяческие услуги с полной самоотверженностью и глубоким сочувствием. Даже офицеры заботятся об австрийских солдатах. Один из них своим платком перевязывает раскроенную голову тирольцу, у которого ничего не было кроме старой окровавленной тряпки.

Если говорят о разных единичных случаях, доказывающих мужество французской армии и героизм ее офицеров и солдат, нельзя обойти молчанием и человеколюбие простых солдат, их доброту и участие к побежденным врагам и пленным, так как эти качества столь же ценны, как мужество и отвага¹. Давно

¹ Французские солдаты относились с полным уважением к собственности и имуществу населения, и следует похвалить их за дисциплинированность, вежливость, умеренность и примерное поведение во время войны в Италии.

В этом смысле приказы по армии вроде тех, которые отдавали маршал Реньо де Сен-Жан д'Анжели и генерал Трошю, достойны быть приведенными и составляют славу тех, кто обращался с подобными воззваниями к своим солдатам.

«...В начинающемся походе, – говорил генерал Трошю в своем воззвании от 4 мая 1859 г., которое было написано в Александрии и прочитано во всех ротах его дивизии, – мы будем стойко переносить все трудности и испытания, уже начавшиеся для нас. Мы будем дисциплинированы и будем строго соблюдать законы, и в исполнении их я буду непоколебим, а в бою мы не потерпим, чтобы кто-либо оказался храбрее нас. Мы будем помнить, что жители – наши союзники, мы будем уважать их нравы, личность и имущество и будем вести войну человечно и цивилизованно. Тогда наши стремления будут благородны,

признано, что военные вежливы и любезны, как все порядочные люди, а французские офицеры вообще приветливы и рыцарски благородны. Это постоянно подтверждает генерал Сальм, взятый в плен французами после битвы в Нервинде. Видя изысканно любезное обращение маршала Люксембургского, он говорил кавалеру дю Розелю: «Что вы за народ? Вы деретесь как львы, а победив врага, обращаетесь с ним как с лучшим другом!»

Интендантское управление продолжает подбирать раненых, и их доставляют на носилках или в повозках, запряженных мулами или лошадьми, на перевязочные пункты, а оттуда – в ближайшие селения. В деревнях и городах церкви, монастыри, дома, площади, дворы, улицы, бульвары – все превращено во временные лазареты. Карпенедоло, Кастель Гоффредо, Медола, Гуидиццоло, Вольта и все окрестности переполнены ранеными, но больше всего отправляют в Кастильоне, куда более крепкие дотащились сами.

Вот длинная вереница интендантских фургонов, наполненных солдатами, унтер-офицерами и офицерами всех чинов и родов войск – кавалеристов, пехотинцев, артиллеристов, окровавленных, измученных, в пыли и грязи. А вот приближаются рысью мулы, причем каждый их шаг вызывает крики боли у несчастных, которых они везут. У одного нога раздроблена и чуть не оторвана от тела, и каждый толчок повозки усиливает его страдания. У другого сломана рука, и он старается здоровой поддержать больную. У одного капрала рука проткнута насквозь шестом от ракеты. Он сам его вытаскивает и, используя как костыль, добирается до Кастильоне. Многие умирают в пути, и их тела складывают у дороги, а потом хоронят.

Господь благословит их, и я, ваш командир, буду считать лучшим временем моей карьеры командование второй дивизией».

18 мая 1859 г. в Маренго маршал Реньо де Сен-Жан д'Анжели обратился со следующими словами к императорской гвардии: «Гвардейцы... вы должны всей армии подавать пример отваги в опасности, порядка и дисциплины в походах, умеренности и спокойствия в чужих странах. Воспоминание о семье внушит вам сочувствие к населению и уважение к собственности и, будьте уверены, вас ждут победа и слава...»

Раненых должны были рассылать из Кастильоне по госпиталям Брешии, Кремоны, Бергамо и Милана для надлежащего лечения или ампутаций. Но австрийцы силой реквизировали все местные экипажи, а средств перевозки французской армии было крайне недостаточно сравнительно с ужасающей массой раненых, поэтому им пришлось по двое-трое суток ожидать отправки из Кастильоне, где скопилась масса народу¹. Весь город превращается в импровизированный госпиталь для французов и австрийцев. Там уже в пятницу расположился перевязочный пункт главной квартиры, открыты были ящики с корпией, приготовлены лекарства и инструменты. Жители дали все, что могли: белье, одеяла, матрацы и тюфяки. Кастильонская больница, монастырь и казармы Сан-Луиджи, церковь капуцинов, казарма жандармов, церкви Маджоре, Сан-Джузеппе, Санта-Розалия полны ранеными, лежащими прямо на соломе. Солому стелют также на улицах, на дворах, на площадях, наскоро сколачивают дощатый навес или натягивают парусину, чтобы хоть немного предохранить от солнца раненых, доставляемых одновременно со всех сторон. Потом занимают и частные дома. Самые зажиточные горожане радушно принимают офицеров и солдат и всячески стараются, насколько возможно, облегчить их положение. Некоторые в растерянности бегают по городу в поисках врача для своих больных. Другие с отчаянием просят убрать от них умерших, которых они не знают куда девать. В Кастильоне были доставлены генералы де Ладмиро, Дье и Оже, полковники Брутта, Бренкур и другие старшие офицеры. Они находятся на попечении опытного доктора Бертрана, с утра пятницы делающего ампутации в Сан-Луиджи. Два главных хирурга, доктора Лере и Аспель, два итальянских доктора, помощники главных

¹ Кастильоне делле Стивьере находится на расстоянии 6 миль к юго-востоку от Брешии и насчитывает 5300 жителей. Недалеко от Кастильоне 5 августа 1796 г. генерал Бонапарт во главе итальянской армии одержал блестящую победу над австрийским фельдмаршалом Вурмсером через два дня после взятия этого города генералом Ожро. Неподалеку, на Къезе, 19 апреля 1706 г. герцог Вандомский выиграл сражение у Кальцинато, победив маршала Ревентлова, командовавшего императорскими войсками в отсутствие принца Евгения.

врачей Риолаччи и Лобштейн в течение двух дней делали перевязки и даже ночью продолжают свое трудное дело. Генерал артиллерии Оже, доставленный сначала в Каза-Марино, где находился лазарет главной квартиры маршала Мак-Магона, в корпусе которого он состоял, был отправлен в Кастильоне. У него было раздроблено левое плечо ядром, осколки застряли в мышцах подмышки и оставались там целые сутки. Он скончался 29-го вследствие развившейся гангрены после операции по извлечению из плеча осколков ядра.

В субботу транспорты раненых так громадны, что администрация, жители и отряд войск, оставленный в Кастильоне, оказываются абсолютно не способными справиться с таким наплывом страждущих. И снова разворачиваются сцены столь же скорбные, что и накануне, только совсем другого рода; теперь есть вода и пища, но раненые все равно умирают от голода и жажды; корпии в избытке, но некому ее прикладывать; большинство врачей должны были уехать в Кавриану; фельдшеров мало, и в этот критический момент не хватает рук. Приходится как-то организовать добровольную службу, но это весьма трудно при таком страшном беспорядке. В довершение всего жителей Кастильоне охватывает паника, которая еще более усиливает сумятицу и вызывает ужасное волнение среди раненых.

Панику эту на самом деле вызвало пустое и нелепое обстоятельство. Когда корпуса французской армии собрались и разместились по своим позициям, они на другой день после битвы сформировали отряды пленных и направили их в Брешию через Кастильоне и Монтекьяро. Один из таких отрядов под конвоем гусаров шел из Каврианы в Кастильоне, где жители, завидев его издали, решили, что это возвращается австрийская армия. Несмотря на всю нелепость этого известия, принесенного крестьянами и распространяемого задыхающимися от ужаса мелкими торговцами из тех, что всегда сопровождают армию в походах, городские жители поддались панике. Сейчас же дома закрылись, жители забаррикадировались, сожгли трехцветные флаги, вывешенные у окон, и укрылись в подвалах и на чердаках. Некоторые убегают в поля с женами и детьми, унося с собой самое ценное, другие, менее испуганные, остаются дома, но пе-

Кастильоне. Церковь Маджоре

«Я стараюсь, насколько возможно, организовать помощь там, где она кажется всего нужнее, и особенно занимаюсь одной из церквей Кастильоне, стоящей на возвышении, налево, если ехать от Брешии, и называющейся, кажется, Къеза Маджоре. Туда свалено около 500 солдат, и еще больше сотни лежат на соломе у церкви...» (с. 68)

реносят к себе первых попавшихся раненых австрийцев, найденных на улице, и окружают их трогательной заботой. На улицах и на дорогах, запруженных фурами, везущими раненых в Брешию, и обозами с продовольствием для войска, идущими оттуда, происходит необычайная суматоха: фургоны мчатся во весь дух, лошади бегут во все стороны, раздаются крики ужаса и злобы, фуры с кладью опрокинуты, целые возы с сухарями валяются в придорожные канавы. Наконец, нанятые возчики, окончательно обезумев, выпрягают лошадей и скачут по дороге в Монтекьяро и Брешию, вызывая везде ужас и страх, опрокидывая встречные телеги с провиантом, ежедневно доставляемым городским управлением Брешии в лагерь союзных войск, сметая все на своем пути, задевая и давя раненых, которые умоляют их унести и, не внемля никаким уговорам, сдирают повязки и выходят, шатаясь, из церквей, не зная даже, далеко ли смогут уйти.

Сколько агоний и невообразимых страданий 25, 26 и 27 июня! Раны, растравленные жарой, пылью, отсутствием воды и ухода, стали еще болезненнее. Болезнетворные испарения заражают воздух, несмотря на похвальные старания интендантства хорошо содержать помещения, превращенные в госпитали. Недостаток фельдшеров и прислуги ощущается все сильнее, а обозы с ранеными прибывают в Кастильоне каждые четверть часа. Как ни оперативно работает главный хирург и два-три человека, организующие регулярную отправку раненых в Брешию на телегах, запряженных волами, как ни безудержна активность имеющих собственные экипажи жителей Брешии, которые сами приезжают за больными (им поручают доставку офицеров), число отбывших несравненно меньше количества прибывающих, и скопление все усиливается.

На каменном полу больниц и церквей Кастильоне положили рядом людей всех национальностей: французов и арабов, немцев и славян. Теснота такая, что у раненых нет ни сил, ни возможности тронуться с места. Крики, брань, проклятия раздаются под сводами храмов. «Ах, как я страдаю! – говорили мне эти несчастные. – Нас бросили, нас оставили умирать без всякой помощи, а ведь мы хорошо дрались!» Несмотря на утомление и бессонные ночи, они не могут спать. Раненые молят о врачебной

помощи, от отчаяния корчатся в судорогах, но вскоре их ждут столбняк и смерть. Некоторые солдаты воображают, что вода, которой обливают их уже загнившие раны, плодит червей, и не дают смачивать повязки. Других, уже получивших первую помощь, не перевязывали во время их вынужденного пребывания в Кастильоне, и эти перевязки, ставшие страшно тугими из-за дорожной тряски, были для них настоящей пыткой. У одних все лицо покрыто мухами, которые облепили раны, и они вопросительно и растерянно оглядываются вокруг. У других мундир, рубашка, плоть и кровь превратились в какую-то отвратительную бесформенную массу, в которой уже завелись черви. Они содрогаются при мысли, что их съедят черви, и думают, что они выползают из тела, но их плодят рои мух, носящихся в воздухе. Вот солдат, совершенно обезображенный: язык вывален наружу, челюсть сломана и раздроблена. Он мечется, хочет встать, я поливаю холодной водой его засохшие губы и огрубелый язык, потом беру кусок корпии, смачивая в ведре воды, которое несут за мной, и выжимаю в бесформенное отверстие, в которое превратился рот несчастного. Вот еще страдалец, у которого часть лица срезана ударом сабли. Нос, губы и подбородок отрезаны. Он не может говорить, почти ослеп, делает знаки рукой и этой душераздирающей пантомимой, сопровождающейся горловыми звуками, пытается привлечь внимание. Я даю ему пить и поливаю водой его окровавленное лицо. Третий, с раскроенным черепом, умирает, и мозг его растекается по плитам церкви. Товарищи по несчастью отталкивают его ногами, так как он загородил проход, я охраняю его последние минуты и прикрываю платком его бедную голову, которой он еще чуть-чуть шевелит.

Хотя каждый дом превратился в лазарет и каждой семье хватало хлопот с принятыми офицерами, мне удалось с воскресенья собрать несколько простых женщин, которые старательно помогали ходить за ранеными. Не требовалось ни ампутаций, ни других сложных операций, надо было кормить, а главное, поить людей, буквально умирающих от голода и жажды, надо омыwać раны, обмывать эти окровавленные тела, покрытые грязью и вшами, и делать все это в удушающей жаре, среди стонов, криков отчаяния и зловония. Вскоре образовалась маленькая груп-

па добровольных сиделок. Ломбардские женщины бегут туда, где громче кричат, но не всегда больше страдают. Я стараюсь, насколько возможно, организовать помощь там, где она кажется всего нужнее, и особенно занимаюсь одной из церквей Кастильоне, стоящей на возвышении, налево, если ехать от Брешии, и называющейся, кажется, Кьеза Маджоре. Туда свалено около 500 солдат, и еще больше сотни лежат на соломе у церкви и под холстами, натянутыми, чтобы защитить их от солнца. Женщины, находящиеся в церкви, ходят от одного к другому с ведрами и манерками, наполненными чистой водой, дают им пить и смачивают раны. Некоторые из этих импровизированных сестер милосердия – молодые красивые девушки. Их мягкость, доброта, чудные глаза, полные слез и сострадания, и ласковая забота немного приободряют больных. Местные мальчишки ходят из церкви к ближайшим фонтанам с ведрами и лейками. После раздачи воды разносят бульон и суп, который интендантство должно готовить в невероятных количествах. Везде поставлены громадные тюки с корпией, каждый может брать, сколько нужно, однако бинтов, тряпок и рубашек сильно не хватает. В этом маленьком городке, через который уже прошло австрийское войско, запасы так невелики, что невозможно достать даже предметы первой необходимости. Мне все же удалось купить новые рубашки через посредство наших добрых сиделок, которые уже пожертвовали все свое старое белье. В понедельник утром я послал своего кучера в Брешию за покупками. Он вернулся через несколько часов с кабриолетом, нагруженным бельем, губками, бинтами, булавками, сигарами, табаком, ромашкой, бузиной, мальвой, апельсинами, лимонами и сахаром. Это дало возможность делать освежающее питье, с нетерпением ожидаемое больными, промывать раны настоем мальвы, накладывать теплые компрессы и делать перевязку. Тем временем к нам еще присоединились добровольцы: старый морской офицер и двое туристов-англичан, которые, желая все видеть, вошли в церковь, где мы их почти силой удержали. Двое других англичан, наоборот, сразу выразили желание нам помочь и стали оделять сигарами австрийцев. Итальянский аббат, трое или четверо путешественников и любопытных, парижский журналист, взяв-

ший на себя потом руководство помощью в соседней церкви, и несколько офицеров, которым было приказано остаться со своими отрядами в Кастильоне, предложили нам свою помощь. Но вскоре один из офицеров заболел от волнения, и другие добровольные сиделки один за другим покинули церковь, чувствуя себя не в силах переносить это зрелище страданий, которым не могут ощутимо помочь. Аббат последовал их примеру, но появился опять, любезно принеся нам душистые травы и нюхательную соль. Молодой француз-турист, потрясенный картиной этих живых останков, разразился рыданиями. Торговец из Невшателя в продолжение двух дней перевязывал раны и писал умирающим прощальные письма к родным; пришлось ради его же блага умерить это рвение, а также успокоить возбуждение сострадательного бельгийца, за которого боялись, что он дойдет до горячки, как это случилось с одним сублейтенантом, едущим из Милана в свой полк. Некоторые солдаты отряда, составляющего гарнизон города, пробуют ухаживать за товарищами, но тоже не могут вынести зрелища, так сильно действующего на воображение и угнетающего душу. Капрал саперов, раненный в Мадженте и почти поправившийся, имея несколько дней до срока возвращения в батальон, мужественно помогает нам, но два раза падает в обморок. Французский интендант, приехавший в Кастильоне, дает наконец разрешение использовать пленных для больничной службы, и трое австрийских докторов являются помогать молодому доктору корсиканцу, который пристаёт ко мне с просьбами выдать ему письменное удостоверение его ревностного отношения к работе за то время, когда я мог следить за его деятельностью. Немецкий хирург, нарочно оставшийся на поле битвы, чтобы помогать своим, самоотверженно ухаживает за ранеными обеих армий. В благодарность его посылают через три дня в Мантую к его соотечественникам.

«Не дайте мне умереть!» – восклицали иные несчастные, с поразительной энергией вцепляясь в мою руку, и умирали, как только проходило это искусственное возбуждение. Молодой капрал лет двадцати с мягким выразительным лицом, Клавдий Мазюз, ранен пулей в левый бок. Его положение безнадежно, и он это понимает. Я помог ему напиться, он благодарит меня и

говорит со слезами: «Если бы вы могли написать моему отцу, чтобы он утешил мать!» Я взял адрес его родителей, и он умер через несколько минут¹. Старый сержант с несколькими нашивками говорил мне грустно и с глубоким горьким убеждением: «Если бы мне раньше сделали перевязку, я мог бы жить, а теперь умру к вечеру!» И он действительно умер вечером.

«Я не хочу умирать, не хочу!» – с дикой энергией кричит молодой гвардейский гренадер, который всего три дня назад был полон сил и энергии. Он смертельно ранен и сознает это, но не желает примириться с неизбежностью. Я говорю с ним, он слушает, успокаивается, примиряется и умирает тихо, как ребенок. Там налево, в глубине церкви, лежит на соломе африканский стрелок, он не стонет и почти не двигается. У него три раны: одна пуля прострелила правый бок, другая – левое плечо, а третья засела в правой ноге. Сегодня воскресенье, вечер, а он утверждает, что ничего не ел с утра пятницы. Он весь покрыт грязью и сгустками крови, платье разорвано, рубашка в клочьях. Я омыл его раны, накормил бульоном, прикрыл одеялом, а он поднес мою руку к своим губам с выражением неизъяснимой благодарности. У входа в церковь лежит венгр и непрерывно кричит, по-итальянски, с жутким акцентом, зовет доктора. От его криков просто сердце кровью обливается. Его бока изодраны картечью и точно распаханы железными крюками, мясо висит клочьями. Вздутое тело – зеленовато-черное, он не может ни как следует улечься, ни сесть. Я смачиваю большие куски корпии в воде и стараюсь уложить его на этой подстилке, но гангрена скоро унесет его. Чуть дальше лежит зуав и плачет горькими слезами. Его приходится утешать, как ребенка. Накопившаяся усталость, отсутствие пищи и сна, болезненное возбуждение и боязнь умереть без помощи вызывают даже у самых храбрых солдат нервную возбудимость, проявляющуюся в столах и рыданиях. Главная мысль, которая

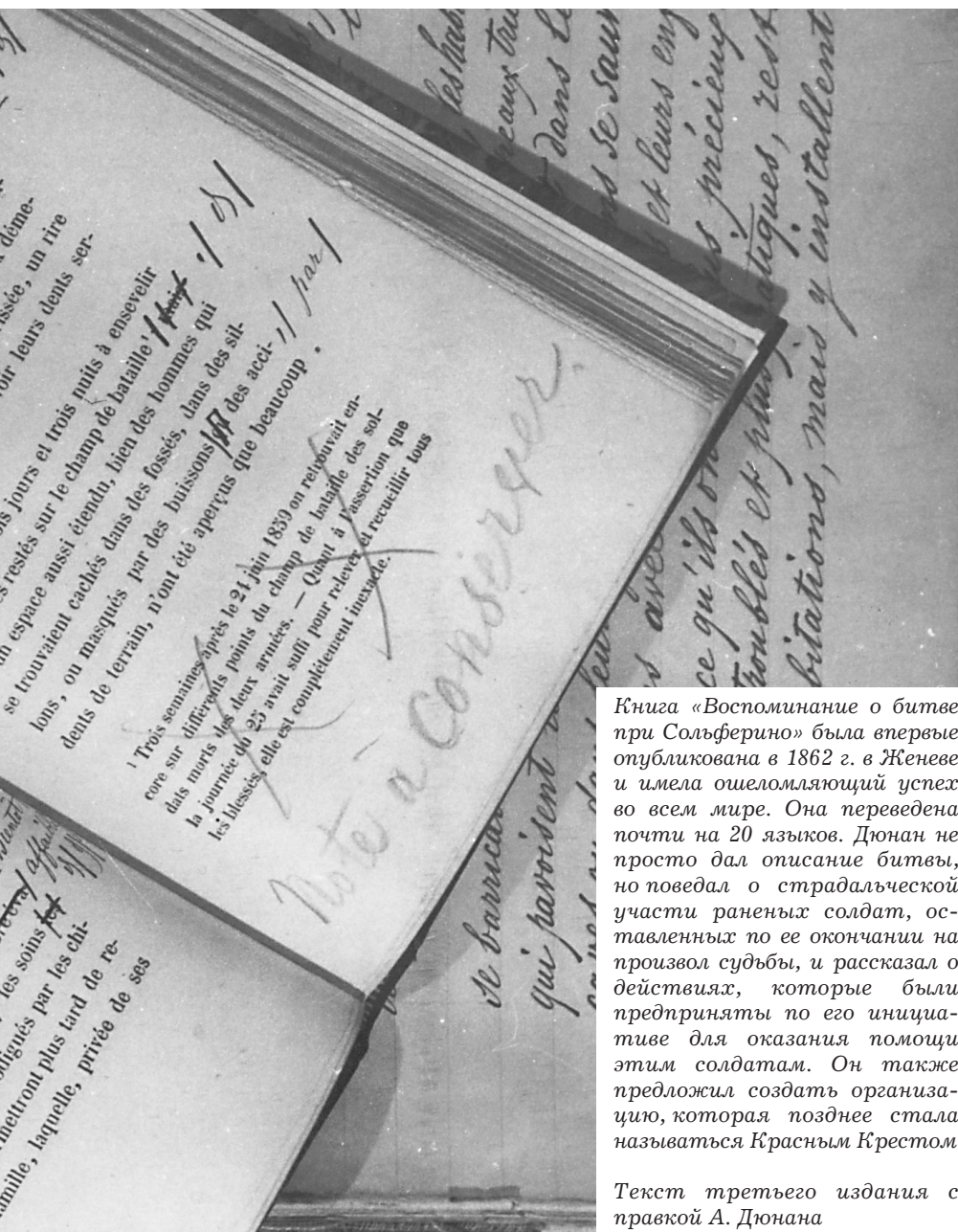
¹ Родители его жили в Лионе, улица Алжира, 3. Он был единственным сыном, на войну пошел добровольцем, и они не имели других сведений о нем, кроме сообщенных мной. Его, вероятно, как и многих других, внесли в список без вести пропавших.

удручает их сильнее всего, если они не слишком страдают, это воспоминание о матери и боязнь за ее горе, когда она узнает об участи сына. Нашли тело молодого солдата с портретом пожилой женщины (несомненно, его матери) на груди; он левой рукой прижимал медальон к сердцу.

Здесь у стены лежат около сотни солдат и унтер-офицеров, завернутых в одеяла. Они разложены в два ряда с проходом посередине. Им сделали перевязки и накормили супом. Они спокойны и довольны, следят за мной глазами и поворачивают головы в мою сторону. «Сразу видно, что это парижанин»¹, – говорят одни. «Нет, – возражают другие, – он больше похож на южанина». «Ведь вы из Бордо, сударь, не правда ли?» – спрашивает третий. Каждому хочется, чтобы я оказался уроженцем его города или провинции. Нельзя не упомянуть об удивительном смирении большинства этих простых солдат. Что представляет собой каждый из них лично, в отдельности, в этих страшных событиях? Совсем ничтожную величину. Они страдали, часто даже не жалуясь, и умирали тихо и безропотно.

Раненые и пленные австрийцы редко враждебно относились к своим победителям, но некоторые отказывались от ухода и помощи, которым не доверяли, срывали повязки и нарочно обнажали свои раны. Один хорват взял пулю, извлеченную из его раны, и бросил ее в голову хирурга; другие молчаливы, мрачны и безучастны, у них вообще нет общительности и подкупающей живости, типичной для латинской расы, тем не менее большинство принимают уход и помощь, и искренняя благодарность выражается на их удивленных лицах. Один из них, лет девятнадцати, находился в глубине церкви в окружении около 40 своих соотечественников. Этот раненый три дня не получал пищи. Он лишился глаза, дрожит от лихорадки, не имеет сил говорить и едва мог проглотить немного бульона. Мы выходили его, и, ког-

¹ Я имел удовольствие на следующий год встретить в Париже, на улице Риволи, солдат-инвалидов, которые, узнав меня, останавливались и благодарили за уход за ними в Кастильоне. «Мы звали вас белым господином, – сказал один из них, – потому что вы ходили во всем белом, ну и жара была там!»

Книга «Воспоминание о битве при Сольферино» была впервые опубликована в 1862 г. в Женеве и имела ошеломляющий успех во всем мире. Она переведена почти на 20 языков. Дюнан не просто дал описание битвы, но поведал о страдальческой участи раненых солдат, оставленных по ее окончании на произвол судьбы, и рассказал о действиях, которые были предприняты по его инициативе для оказания помощи этим солдатам. Он также предложил создать организацию, которая позднее стала называться Красным Крестом

Текст третьего издания с правкой А. Дюнана

да через сутки его можно было отправить в Брешию, он с сожалением, переходящим в отчаяние, прощался с нами. Его единственный чудный голубой глаз выражал глубокую благодарность, и он целовал руки сердобольных кастильонских женщин. Другой пленный дрожит от лихорадки и привлекает всеобщее внимание: ему нет и двадцати, а волосы у него все седые. Как говорит он сам и как подтверждают его товарищи, поседел он во время сражения¹.

Сколько молодых людей, от восемнадцати до двадцати лет, кое-кто по принуждению, тоскливо добрались сюда из глуши Германии или из отдаленных восточных провинций обширной Австрийской империи. Некоторым из них неизбежно придется испытывать, помимо телесных страданий и тяжести плена, враждебность миланцев, вызванную ненавистью к их расе и их правителю; они встретят участие и расположение только по прибытии во Францию! Бедные матери в Германии, Австрии, Венгрии, Чехии, как не подумать о ваших мучениях, когда вы узнаете, что ваши раненые сыновья в плену, в этой враждебной стране! Но кастильонские женщины, видя, что я не делаю никакого различия между национальностями, следуют моему примеру и одинаково доброжелательно относятся ко всем этим людям различных народностей и чуждым им. «*Tutti fratelli*»², – растроганно повторяли они. Честь и хвала этим добрым женщинам, этим молодым девушкам из Кастильоне. Ничто не отталкивало их, не утомляло и не обескураживало, в своей скромной самоотверженности они забывали и усталость, и отвращение, и жертвы, на которые шли.

Сознание своего бессилия в такие торжественные и ужасные минуты причиняет невыносимые страдания; действительно ужасно быть не в состоянии ни помочь тем, которые лежат перед вами, ни добраться до тех, которые с мольбой в голосе

¹ Этот случай, о котором я рассказал на одном из заседаний Этнографического общества в Париже, упоминал Р. Кортамбер в своей замечательной статье «Волосы у различных народов», опубликованной в *Revue orientale et américaine* (январь, 1860 г.).

² «Все мы братья» (итал.).

вас зовут, и много часов пройдет, пока дойдешь, куда хочешь, так как на каждом шагу приходится останавливаться и на-
талкиваться на бесконечные страдания, требующие неотлож-
ной помощи. Кроме того, отчего идти налево, когда и справа
многие умирают в одиночестве, без единого слова утешения,
уже не говоря о стакане воды для утоления невыносимой жаж-
ды? Нравственное сознание важности человеческой жизни,
желание хоть сколько-нибудь облегчить страдания этих не-
счастливых и приободрить их, напряженная и неустанная
деятельность, вызванная такими событиями, порождают осо-
бую, неведомую энергию и стремление помочь как можно
большему числу людей; уже не останавливаешься перед не-
скончаемыми картинами этой жуткой и величественной траге-
дии, равнодушно проходишь мимо самых обезображенных
трупов; сцены, пострашнее здесь описанных¹, уже не вызы-
вают никаких чувств, хотя перо отказывается их описывать; но
иногда сердце точно сразу разорвется, его вдруг, внезапно,
охватит горькая, безысходная тоска при виде какого-нибудь
отдельного случая или неожиданной подробности, которая вы-
зовет твое сочувствие, и на нее отзовутся сокровеннейшие
тайники души.

Для солдата, снова вошедшего в колею обычной походной
жизни, после трудностей и волнений, пережитых во время и
сразу после битвы при Сольферино, воспоминания о семье и ро-
дине становятся более личными и живыми, чем когда-либо. Это
состояние ярко описано французским офицером в трогательном
письме из Вольты к брату, оставшемуся во Франции: «Ты не мо-

¹ Поскольку я только через три с лишним года вернулся к этим тяжелым
воспоминаниям, которые не собирался предавать гласности, понятно, что они
отчасти сгладились и сокращены при описании ужасов и страданий, свиде-
телем которых мне пришлось быть. Но если эти строки помогут ускорить поста-
новку вопроса об оказании помощи раненым во время войны и об уходе за ними
сразу же после сражения, если они привлекут внимание людей гуманных и
отзывчивых, если займется изучением и разработкой столь важного вопроса,
вообще, если будут сделаны хоть несколько шагов к улучшению в таком деле,
где усовершенствования необходимы даже в самых правильно организо-
ванных армиях, — я сочту мою цель вполне достигнутой.

жешь себе представить волнение солдата, когда появляется вахмистр, заведующий раздачей писем; ведь он несет нам вести из Франции, о родине, о родных, о друзьях! Все слушают, смотрят и жадно протягивают руки. Счастливы, получившие письмо, быстро вскрывают и впиваются в него глазами; другие, обездоленные, с тяжелым сердцем молча отходят и думают об оставшихся дома. Иногда выкрикивают имя, на которое никто не откликается. Ждут, спрашивают, переглядываются... «Умер!» – раздастся чей-нибудь голос; вахмистр спрячет письмо, и оно вернется нераспечатанным к тем, которые его писали. Они были счастливы, когда думали: «Как он будет доволен, когда его получит!» А теперь, когда оно вернется к ним, у них, несчастных, сердце разорвется».

Улицы Кастильоне стали спокойнее после того, как похоронили погибших и вывезли раненых, в городе стало больше места, и, хотя новые раненые все еще прибывают, везде понемногу начинает водворяться порядок. Скопление происходило не от недостатка распорядительности или непредусмотрительности интендантства, а от неожиданного и невообразимого количества раненых и сравнительно небольшого числа докторов, фельдшеров и обслуживающего персонала. Обозы из Кастильоне в Брешию отправляются все более регулярно, они состоят из санитарных фургонов и из грубо сколоченных телег, запряженных волами, которые тащатся медленно, еле-еле, под палящим солнцем и в такой пыли, что нога по щиколотку уходит в плотный песок. Эти неудобные телеги прикрыты ветками, но они мало защищают от палящего солнца раненых, лежащих вповалку; можно себе представить, какие пытки испытывают они во время этого длинного переезда! Кивок головой в качестве дружеского приветствия радует этих несчастных, и они поспешно, с благодарностью отвечают на него. Во всех деревнях по дороге в Брешию крестьянки молча сидят у дверей и щиплют корпию; когда подъезжает транспорт, они влезают на телеги, меняют компрессы, омывают раны, кладут свежую корпию, смоченную в холодной воде, и дают с ложек бульон, вино или лимонад тем, кто не может шевельнуть ни рукой, ни головой. Обозы, беспрестанно привозящие во французский лагерь про-

виант, фураж и всевозможные припасы из Франции и Пьемона, чтобы не возвращаться порожними, увозят больных в Брешию. Во всех деревнях на пути транспортов по распоряжению местных властей приготовлены напитки, хлеб и мясо. В Монтекьяро в трех маленьких местных больницах работают крестьянки, со знанием дела и с большой добротой ухаживая за помещенными там ранеными. В Гуидиццоло на время разместили тысячу человек в обширном замке; в Вольте старинный монастырь, превращенный в казарму, приютил сотни австрийцев. В Кавриане, в главной церкви этой деревеньки, поместили совершенно изувеченных австрийцев, которые двое суток пролежали под навесом гауптвахты; в штабной амбулатории делают операции под хлороформом, который у раненых австрийцев почти моментально притупляет чувствительность, а у французов вызывает нервные подергивания и сильнейшее возбуждение.

Жители Каврианы совершенно лишены запасов и продуктов, их кормят гвардейские солдаты, деля с ними свой паек; деревни опустошены, все, что можно было использовать в качестве продуктов питания, было продано австрийской армии или реквизировано ею. Французской армии, не имеющей недостатка в провизии в полевых условиях благодаря распорядительности и аккуратности своего командования, очень трудно, однако, доставать масло, сало и овощи – продукты, которые несколько разнообразят обычный солдатский рацион; австрийцы захватили почти весь скот, и союзные войска могут получить только кукурузную муку в населенных пунктах, где расквартированы их подразделения. Тем не менее все, что ломбардские крестьяне могут еще продать для довольствия солдат, покупается у них по высокой цене. Оценка производится всегда так, чтобы продавцы были довольны; за все, что обязательно берется для французской армии, например, фураж, картофель и другие продукты, щедро платят жителям, которым также были возмещены неизбежные убытки, причиненные сражением.

Раненые солдаты сардинской армии, доставленные в Дезенцано, Роволтелло, Лонато и Поццоленго, находятся в более благоприятных условиях, чем привезенные в Кастильоне: первые

два из этих городов не захватывались враждующими армиями с интервалом в несколько дней, поэтому там больше запасов, больницы лучше содержатся, жители, менее напуганные, активно помогают санитарным службам, а больные, которых отправляют оттуда в Брешию, едут в хороших телегах, с мягкой подстилкой из сена, защищены от солнца шатром, сплетенным из толстых ветвей и затянутым плотной парусиной.

Изнемогая от усталости и совершенно потеряв сон, я велел заложить кабриолет и выехал 27-го около шести часов вечера подышать вечерней прохладой и отвлечься, хотя бы на время, от созерцания тяжелых картин, окружающих меня со всех сторон в Кастильоне. День был выбран удачно, так как никакого передвижения войск не было назначено на понедельник (как я узнал потом). Спокойствие сменило страшное возбуждение предшествующих дней на этом поле сражения, теперь унылом и мрачном, не оживленном страстью и одушевлением; однако кое-где видны на земле под лучами солнца лужи застывшей крови, и взрытая почва, посыпанная известью, свидетельствующая о том, что здесь погребены воины, погибшие 24 июня. В Сольферино, с его четырехугольной башней, уже много веков невозмутимо и гордо возвышающейся над этой местностью, где уже в третий раз столкнулись две сильнейшие державы нашего времени, собирают еще многочисленные печальные останки, которые находят даже на кладбище среди окровавленных могильных крестов и плит. Около девяти часов я приехал в Кавриану; боевая обстановка, окружающая штаб императора французов, представляет редчайшее и грандиозное зрелище. Я искал маршала герцога Маджентского, с которым имел честь быть лично знакомым, и, точно не зная, где располагался его корпус, велел кучеру остановиться на маленькой площади против дома, в котором с пятницы жил император Наполеон. Я неожиданно оказался среди группы генералов, сидевших на простых соломенных стульях или на деревянных табуретках; они курили сигары и наслаждались прохладой перед импровизированным дворцом их повелителя. Пока я справляюсь о месте пребывания маршала Мак-Магона, генералы тоже расспрашивают капрала, сидящего на козлах рядом с кучером, которого

они принимают за моего денщика¹; им хотелось знать, кто я такой и какое поручение на меня возложено. Они никак не могли себе представить, что простой турист решился странствовать один по лагерям и, добравшись до Каврианы, намеревался ехать еще дальше в такой поздний час. Капрал, тоже ничего не знавший, остался, конечно, непроницаем, очень почтительно отвечал на вопросы, и их любопытство еще возросло, когда они увидели, что я направился в Боргетто, где должен был находиться герцог Маджентский. Второй корпус, которым командовал маршал, выступил 26-го из Каврианы в Кастелларо, на расстоянии 5 километров, и его дивизии расположились по обе стороны дороги из Кастелларо в Монцамбано; сам маршал со своим штабом занял Боргетто. Тем временем надвигалась ночь. Получив весьма неточные указания, мы через час сбились с пути и, поехав по дороге на Вольту, попали прямо в расположение корпуса генерала Ньюеля, произведенного в маршалы три дня тому назад, который занял окрестности этого городка. Неясный гул голосов под безоблачным звездным небом, костры, в которых пылали целые деревья, освещенные палатки офицеров – весь этот шум лагеря, еще бодрствующего, но уже готовящегося ко сну, дают приятный отдых усталому и возбужденному воображению; ночные тени и торжественная тишина приходят на смену разнообразным звукам и волнениям дня, а чистый и мягкий воздух прекрасной итальянской ночи вдыхается с наслаждением.

На моего кучера, итальянца, этот полумрак и близость неприятеля наводили такой страх, что мне не раз приходилось брать у него вожжи или передавать их капралу. Бедняга удрал дней десять назад из Мантуи, чтобы не идти служить в австрийскую

¹ Этот капрал был ранен в бою при Мадженте и, возвращаясь по выздоровлении в свой батальон, много помогал фельдшерам в Кастильоне; я принял его предложение сопровождать меня в поездке по лагерям, где его чин и звание могли служить мне пропуском. В тот же день, 27 июня, двое англичан, желавших проникнуть в расположение французских войск, были приняты солдатами за австрийских шпионов, их тащили через весь лагерь, куда они так некстати попали, пока, на их счастье, они не встретили маршала, командующего корпусом, который разъяснил недоразумение. Впрочем, англичане остались очень довольны своим приключением.

армию, укрылся в Брешии и поступил на службу к каретнику, который нанял его кучером. Его страх еще усилился, когда не-вдалеке какой-то австриец, завидя нас, выстрелил и скрылся в кустах. При отступлении австрийской армии несколько беглых солдат спрятались в подвалах домов, брошенных хозяевами и наполовину разоренных. Одинокие, дрожащие от страха, они сначала питались тем, что нашли в подвалах; потом убежали в поля и блуждали по ночам. Теперь мантуанец уже совсем не мог править лошадью. Он вертелся во все стороны, впивался растерянными глазами в каждый куст, в изгородь, в жалкую лачугу, везде ожидая спрятавшегося австрийца, готового в него стрелять. Он дрожал при каждом повороте дороги и чуть не упал в обморок, когда неожиданно выстрелил часовой, на которого мы натолкнулись в темноте; то же повторилось при виде открытого дождевого зонтика, пробитого тремя ядрами и пулями, лежавшего у тропинки, ведущей в Вольту. Этот зонтик принадлежал, вероятно, одной из маркитанток французской армии и был унесен ветром 24 июня во время грозы.

Мы вернулись на дорогу, ведущую в Боргетто; было больше одиннадцати часов ночи, наша лошадь бежала галопом, и легкий экипаж бесшумно катился по Страда Кавальара, когда вдруг слышался окрик. «Кто идет, кто идет, или я стреляю!» – одним духом проговорил конный часовой. «Франция!» – громко откликнулся капрал и начал подробно рапортовать: «Капрал первого инженерного корпуса, седьмой роты...» «Проезжайте», – послышалось в ответ. Наконец без четверти двенадцать мы благополучно добрались до Боргетто¹. Тут темно и безмолвно; но в одном из нижних этажей на главной улице светится огонек. Там в низкой комнате работали офицеры казначейской службы; их оторвали от дела, они очень удивлены неожиданным посещением в такой неурочный час, но тем не менее очень любезны. Один из них, А. Утрей, казначей, не взглянув даже на мои рекомендательные пись-

¹ Боргетто, местечко в 2 тысячи жителей на правом берегу Минчо, расположенное почти напротив Валеджо. В 1848 г. сардинские войска под предводительством короля Карла-Альберта перешли тут Минчо, несмотря на сильное сопротивление австрийцев, которыми командовал фельдмаршал Радецкий.

ма, написанные генералами, гостеприимно встретил меня: его денщик принес матрац, на который я лег совсем одетый, в надежде отдохнуть несколько часов, предварительно выпив крепкого бульона; он показался мне тем более вкусным, что я несколько дней ничего путного не ел. Я спал спокойно, не задыхаясь, как в Кастильоне, от зловонных испарений, и меня не тревожили мухи, которые, насытившись трупами, мучили живых. Капрал и кучер устроились на улице, в экипаже, но бедный мантуанец от постоянного страха не сомкнул глаз всю ночь, и я застал его чуть живым.

28-го в шесть часов утра я был принят очень любезно и приветливо добрым и благородным маршалом Мак-Магоном, справедливо названным кумиром своих солдат¹, в десять часов я был в Карвиане, в доме, ставшем историческим, так как в нем в один день, 24 июня, побывали два великих враждующих монарха. В тот же день в три часа я вернулся к моим больным в Кастильоне, которые очень мне обрадовались, а 30 июня я был в Брешии.

Этот красивый, живописный город превращен не в большой передвижной лазарет, как Кастильоне, а в громадный госпиталь: оба собора, церкви, дворцы, монастыри, школы, казармы – одним словом, все здания переполнены жертвами Сольферино. 15 тысяч кроватей поставили в них практически за один день; великодушные жители города сделали больше, чем когда-либо и где-либо делалось при таких событиях. В центре города в древ-

¹ Герцог Маджентский очень любим французской армией; солдаты одинаково любят и почитают его. Вот тому пример. В 1856 г. в Алжире, на Константинской дороге, два бывших зуава сидели в дилижансе, а я – рядом, в отдельном купе; они ехали в Батну работниками, рубить деревья в лесах, они говорили на своем живописном языке о восточной войне и о маршале Мак-Магоне. Несколько фраз долетели до меня. «Разве есть другой такой генерал?» – говорил один из них. «Вот умел нами командовать! Мы, старые солдаты, старые волки, никогда ничего не боялись и все-таки мы плакали, помнишь, как он с нами говорил, когда закончился срок службы, он прощался с нами и сказал: «Дети мои, вы храбро служили под знаменами, теперь вы возвращаетесь к частной жизни, никогда не совершайте низких поступков, помните, что у вас есть отец – и этот отец я! и мой кошелек принадлежит вам! – прибавил он, ударяя себя в грудь. – Все пожмите мне руку...» Помнишь, как он бросил нам свой кошелек, полный золота, и сказал: «Делитесь, но главное, не ссорьтесь!» – И мы все плакали, как девочки».

ней базилике, называемой *il Duomo vecchio*, или Ротонда, с двумя часовнями, размещается тысяча раненых; народ толпами стремится к ним, а женщины всех сословий приносят в изобилии апельсины, повидло, печенье, конфеты и всевозможные лакомства. Скромная вдова и самая бедная старушка считают своим долгом внести посильную лепту и свою долю участия. Та же картина и в новом соборе, великолепном здании из белого мрамора с громадным куполом, где нашли приют сотни раненых, и в 40 других зданиях, церквях и больницах, вмещающих около 20 тысяч раненых и больных.

Городское управление Брешии оказалось на уровне, достойном его статуса и высоких обязанностей, наложенных на него исключительными обстоятельствами: оно работало без устали и привлекло к участию знаменитых граждан, которые активно ему помогали. По предложению известного доктора Бартоломео Гуалла и под его председательством была назначена для общего управления больницами центральная комиссия в составе докторов Корболани, Орефичи, Баллини, Боничелли, Касса, С. Маджи и Абени, которые не жалели своих достойных восхищения трудов ни днем, ни ночью. Эта комиссия поставила во главе каждой больницы специального администратора и главного хирурга, а в помощь ему выделила несколько докторов и фельдшеров. Получая в свое распоряжение монастырь, школу или церковь, она создавала, как по волшебству, за несколько часов, больницу с сотнями кроватей, с просторной кухней и прачечной, с полным запасом белья и всего необходимого. Все это делалось так быстро, с такой сердечной отзывчивостью, что можно было только удивляться правильной работе этих многочисленных больниц и царившему в них порядку, тем более что население Брешии, насчитывающее 40 тысяч жителей, почти удвоилось в результате прибытия 30 тысяч больных и раненых¹. Как не упомянуть,

¹ С 15 июня по 31 августа, по официальным источникам, в больницы Брешии было принято только лихорадочных и других больных 19 665 солдат, из которых более 19 тысяч принадлежали к франко-сардинской армии. Австрийцы имели тоже, по меньшей мере, 20 тысяч больных в своих больницах в Венеции, не говоря о массе раненых, которых туда привозили.

что доктора, которых было 140 человек, во все время своей тяжелой и утомительной службы проявили невероятную энергию и преданность делу, и ни на минуту ни обиды, ни соперничество не нарушили их согласованного служения общему благу; им помогали студенты-медики и несколько добровольных тружеников. Образовались вспомогательные комитеты, и была назначена отдельная комиссия для приема пожертвований бельем, вещами и всякими запасами, еще одна комиссия была создана для заведования складом¹.

В обширных больничных залах офицеры обычно отделены от солдат, а австрийцы – от союзников; кровати одинаковые, но над каждым больным полка с его мундиром и кепи, указывающие, к какому войскам он принадлежит. Рядом с сильными, спокойными людьми есть и такие, которые ропщут и жалуются; в первые дни все раны кажутся одинаково опасными. У французских солдат угадывается галльский характер – живой, гибкий, уживчивый, притом твердый и энергичный, но нетерпеливый и вспыльчивый при возникновении малейшего противоречия. Они не задумываются, не грустят и по своей беспечности легче соглашаются на операции, чем австрийцы, обладающие не таким легким характером, которые ужасно боятся ампутаций и очень горюют в своем одиночестве. Итальянские доктора в своих длинных черных одеждах с величайшим почтением ухаживают за больными французами, но методы лечения некоторых из них приводят в отчаяние больных, так как они прописывают диету, кровопускание и тамариндовую воду.

Я вижу тут многих из наших кастильонских раненых, которые узнают меня. Уход за ними лучше, но их испытания еще не окончены. Вот один из героических гвардейских стрелков, раненый в ногу, который был в Кастильоне, где я делал ему первую перевязку. Он лежит на своем убогом ложе с выражением ужасного страдания на лице, глаза ввалились и горят, потное, желтое лицо свидетельствует о том, что к его мучениям добавилось

¹ В первой комиссии были Паллавичини, Глизенти, Аверольди, Сьенна, адвокаты Цукколи и Контер и каноник Росса, во второй – Базильетти, Каприоли, Роветта и да Понте.

гнойное заражение крови, губы пересохли, голос дрожит. Вся бодрость его уступила место боязливости, даже уход его раздражает; он все боится, что тронут его ногу, уже охваченную гангреной. Французский хирург, делающий операции, проходит мимо его кровати; он хватается его руки в свои, которые горячи, как раскаленное железо. «Не делайте мне больно, я страдаю невыносимо!» – восклицает он. Но необходимо действовать, не теряя времени: еще двадцать раненых надо оперировать этим же утром, сто пятьдесят ждут перевязки, нет времени на то, чтобы выражать сочувствие одному несчастному и уговаривать его решиться на ампутацию. Хирург, добрый, но холодный и решительный, говорит только: «Предоставьте это мне» и быстро откидывает одеяло. Раздробленная нога вдвое увеличилась в объеме, из трех мест течет обильный зловонный гной, красные пятна свидетельствуют о том, что артерия лопнула и эта часть тела не имеет питания; значит, единственная возможность сохранить раненому жизнь, если она еще существует, заключается в том, чтобы ампутировать ногу у бедра. Ампутация! – ужасное слово для несчастного молодого человека, которому предстоит или близкая смерть, или жалкое существование калеки. Ему и времени нет приготовиться. «Боже, Боже! Что вы хотите делать?» – спрашивает он, весь дрожа. Хирург не отвечает. «Фельдшер, переносите скорей!» – говорит доктор. Отчаянный крик вырывается из впалой груди: неловкий фельдшер тронул безжизненную, но страшно болезненную ногу слишком близко около раны: раздробленные кости вонзились в тело, причиняя новое мучение несчастному солдату, нога болтается от сотрясения, пока его несут в операционный зал. Ужасное шествие! Точно жертву ведут на заклание. Наконец его кладут на операционный стол на тонкий матрац; рядом и на другом столе инструменты, скрытые под салфеткой. Хирург ничего не видит и не слышит, всецело погруженный в операцию, молодой помощник держит руки больного, а фельдшер, схватив здоровую ногу, изо всех сил тянет его на край стола. «Вы меня уроните!» – испуганно кричит больной и судорожно обхватывает молодого доктора, бледного и взволнованного. Хирург снял скюртук, засучил рукава до плеч и надел длинный широкий фартук; став

одним коленом на пол, вооружившись ужасным ножом, он обхватывает рукой бедро солдата и одним взмахом разрезает кожу по всей окружности. Раздирающий душу крик оглашает больницу; молодой доктор лицом к лицу со страдальцем может следить за мельчайшими подробностями этой мучительной операции. «Потерпите», – шепчет он солдату, чувствуя, как его руки впиваются ему в спину. «Еще две минутки, и все будет хорошо!» Хирург поднялся и начал отделять кожу от мышц, потом вторым сильным взмахом ножа перерубил все мускулы до кости; поток крови хлынул из артерий, окатив хирурга, и разлился по полу. Опытный доктор, спокойный и невозмутимый, не говорит ни слова, но вдруг в тишине раздается его сердитый окрик, обращенный к неумелому фельдшеру: «Болван! вы не умеете прижать артерии!» Неопытный фельдшер не сумел предотвратить кровотечение, сильно сдавив сосуды. Раненый, изнемогая от боли, слабо шепчет: «Довольно, дайте мне умереть!» – и холодный пот выступает на его лице; но надо еще перетерпеть минуту, а эта минута – целая вечность. Ассистент считает секунды, напряженно глядя то на хирурга, то на дрожащего от страха пациента, и шепчет, стараясь ободрить его: «Еще одна минутка!» Теперь пришла очередь пилы, и уже слышно, как она скрипит по живой кости, отделяя от тела полусгнившую ногу. Но страдания непосильны для измученного, истощенного организма, стоны стихают, и больной теряет сознание; хирург, не слыша стонов, озабоченно смотрит на него, боясь, что это спокойствие смерти; под влиянием подкрепляющих средств больной только чуть-чуть приоткрывает уже почти безжизненные глаза; умирающий все-таки как будто оживает; он разбит, обессилен, но жестокие страдания прекратились.

В соседней больнице иногда применяют хлороформ. Тогда пациенты, особенно французы, переживают два резко противоположных состояния: они переходят от возбуждения, доходящего иногда до бешенства, к полному оцепенению, похожему на летаргию. Некоторые военные, злоупотребляющие спиртными напитками, чрезвычайно трудно поддаются анестезирующему действию хлороформа. Смертные случаи при хлороформе далеко не так редки, как думают, и часто напрасны оказываются все

усилия вернуть к жизни человека, говорившего несколько минут назад.

Можно себе представить такого рода операцию над австрийцем, не говорящим ни по-французски, ни по-итальянски, и которого доброжелательные палачи ведут, как барана на бойню. Французы везде встречают сочувствие, их холят, лелеют, ободряют, а когда заговорят о Сольферино, несмотря на то, что там они понесли огромные потери, они оживляются и рассказывают о пережитом, эти славные для них воспоминания воодушевляют, отвлекают мысли от личных страданий и несколько облегчают их положение. Австрийцы не имеют этих преимуществ. Я добиваюсь пропуска в больницы, где они лежат, или почти силой проникаю в их палаты. С какой благодарностью эти славные люди принимают ласковое обращение и немного принесенного мной в подарок табаку. На их смиренных, кротких лицах отражаются чувства, которые они не умеют выразить, а взгляды красноречивее всяких благодарностей. Особенно офицеры ценят всякое внимание; с ними, так же как и с солдатами, обращаются гуманно, но жители Брешии не выказывают им никакого участия. В одной из больниц принц Изембургский занимает вместе с другим немецким принцем маленькую довольно удобную комнату.

Несколько дней подряд я раздаю табак, трубки и сигары в больницах и церквях, где курение табака сотнями людей нейтрализует запах от зловонных испарений, исходящих от скопления такой массы больных в душных и жарких помещениях. Весь запас табака в Брешии скоро истощился, и пришлось его выпысывать из Милана. Только табак и подбадривал раненых перед ампутацией; многие курили во время операции, некоторые умирали с трубкой в зубах.

Один из достойных жителей Брешии г-н Карло Боргетти сам любезно возит меня в своем экипаже по больницам и помогает раздавать табак, завернутый торговцами в тысячи отдельных пакетиков, которые носят за нами в огромных корзинах солдаты, добровольно вызвавшиеся на это дело. Меня везде хорошо принимают, только один ломбардский доктор граф Калини не пожелал разрешить раздачу сигар в военном госпитале Сан-Лука, находящемся в его ведении, к большому неудовольствию несчастных

больных, которые бросали жадные взгляды на запасы табака, сложенные у двери; все же остальные доктора, напротив, были так же благодарны за такие подарки, как их больные. Эта маленькая неудача не остановила меня, и я должен сказать, что она была первым и единственным препятствием, на которое мне пришлось натолкнуться; удивительно даже, что до этого мне ни разу не пришлось предъявлять ни мой паспорт, ни рекомендательные письма одних генералов к другим, которых немало было в моем бумажнике¹. Я не отступился и в тот же день после второй попытки в Сан-Лука мне удалось добиться разрешения, и я щедро раздал табак бедным больным, которых совершенно невольно подверг танталовым мукам; снова увидев меня, они не удержались от радостных восклицаний и вздохов облегчения.

Во время моих странствований я попадаю в анфиладу комнат, составляющих второй этаж большого монастыря, нечто вроде лабиринта, превращенного в больницу, первый и подвальный этажи которого заполнены больными. В одной из этих высоких комнат четверо или пятеро раненых и больных, во второй десять или пятнадцать, в третьей около двадцати; все лежат на кроватях, но без всякого ухода и горько жалуются, что не видели ни одного фельдшера в течение многих часов. Они умоляют дать им бульона вместо ледяной воды, оставленной как единственное питье. В конце длиннейшего коридора в отдельной комнате одиноко лежал на кровати молодой берсальерец, умирающий от столбняка; глаза его открыты, он кажется еще полным жизненных сил, но уже ничего не слышит, не понимает, и его бросили как безнадежного. Многие французские солдаты просят меня написать их родным, а другие – командирам, которые, в их глазах, заменяют отсутствующую семью. В госпитале Сан-Клеман

¹ В частности, от генерала маркиза де Бофор д'Отпуль, столь же известного своей добротой и приветливостью, как и выдающимися военными доблестями: он был начальником штаба корпуса, занявшего Тоскану, потом был главнокомандующим Сирийской экспедицией. Генерал де Бофор, племянник покойного графа де Бюде, бывшего члена генерального совета Эна. Он умер в Женеве в августе 1862 г., оплакиваемый всеми, кто его знал; его великодушные и благородные качества были столь высокоценными его многочисленными друзьями.

знатная дама графиня Бронна с удивительной самоотверженностью ухаживает за ампутированными; французские солдаты с восторгом говорят об этой женщине, которую не останавливают даже самые отталкивающие детали. «Я – мать», – сказала она мне с трогательной простотой. Это слово объясняет все величие ее самоотверженности.

Меня часто останавливают на улицах горожане, умоляя зайти и служить переводчиком раненым французским командирам, капитанам и лейтенантам, которых они приютили у себя. Они старательно ухаживают за ними, но те не говорят по-итальянски, и они не понимают друг друга; больной, находящийся в сильном возбуждении, раздражается оттого, что его не понимают, а хозяева в отчаянии, что их искренние заботы так плохо оценены. Иногда офицер, которому итальянский доктор хочет сделать кровопускание, воображает, что ему собираются ампутировать руку или ногу, отбивается изо всех сил и причиняет себе страшный вред; только объяснения на родном языке могут рассеять эти грустные недоразумения и успокоить инвалидов Сольферино. С какой добротой и терпением жители Брешии ухаживают за героями, избавившими их ценой жизни и здоровья от чужеземного гнета! Для них истинное горе, когда их больной умирает. Трогательно смотреть, как они всей семьей, следуя религиозному обряду, двигаются по широкой улице, провожая в последний путь на Кампо Санто прожившего у них несколько дней французского офицера, имени которого они, возможно, даже не знают, но оплакивают, как друга, как родственника, как сына.

Солдат, умерших в госпиталях, хоронят ночью и записывают, хоть, может, и не всегда, их фамилию и номер, чего почти не делалось в Кастильоне.

Все города Ломбардии пожелали участвовать в размещении раненых. В Бергамо, в Кремоне помощь была отлично организована, и кроме специальных обществ были еще вспомогательные дамские комитеты, окружавшие заботами своих многочисленных больных. Доктор-итальянец в одном из кремонских госпиталей сказал: «Мы бережем хорошее для наших союзников, а врагам даем только крайне необходимое; если они умирают – тем хуже для них!» И он прибавил в извинение такой жестокости,

что, по словам некоторых итальянских солдат, возвратившихся из Вероны и Мантуи, австрийцы оставляют умирать без помощи раненых франко-сардинской армии. Одна знатная дама, графиня ***, всецело посвятившая себя уходу за больными, услышав эти слова, поторопилась выказать им свое неодобрение, заявив, что она одинаково ухаживает за австрийцами и союзниками и никакой разницы не делает между друзьями и врагами. «Наш Господь Иисус Христос не делал различия между людьми, чтобы делать им добро», – прибавила она. Весьма возможно, что вначале и обращались грубо с пленными союзных войск, но эти сведения были неточны или преувеличены и, во всяком случае, не могли оправдывать подобное заявление.

Что касается французских докторов, то они делают все возможное, не обращая внимания на национальность, и только сокращаются, что не могут сделать еще больше. Послушайте, что говорит по этому поводу доктор Сонрье: «Я не могу думать без глубокой грусти о маленькой палате на двадцать пять коек, отведенной самым тяжелораненым австрийцам в Кремоне. Как теперь вижу перед собой эти осунувшиеся землистые лица, поблекшие от истощения и гнойного заражения; они умоляют жестами и душераздирающими криками, как о последней милости просят удалить ногу или руку, которые хотели сохранить, но добились только мучительной агонии, бессильными свидетелями которой мы должны были оставаться».

Генеральный интендант Брешии г-н Фаральдо, доктор Гуалла, директор городских больниц, доктор Комиссетти, главный врач сардинской армии, и доктор Карл Котта, санитарный инспектор Ломбардии, соперничали в своем рвении и преданности делу; нельзя не упомянуть их добрым словом, равно как и барона Ларре, главного медицинского инспектора французской армии. Доктор Иснар, врач первого класса, проявил блестящие способности как врач и как администратор; вместе с ним в Брешии отличился Тьерри де Могра и целый ряд мужественных и неутомимых французских хирургов, которых хотелось бы всех называть по именам, так как если убивающие могут претендовать на лавры славы, то тем более имеют право на уважение и благодарность те, кто часто ценой собственной жизни помогал стражду-

щим. Один американский хирург, доктор Норман Беттун, профессор анатомии в Торонто, в Верхней Канаде, специально приехал из Страсбурга для оказания помощи этим преданным людям. Студенты-медики приехали из Болоньи, Пизы и других городов Италии. Вместе с жителями Брешии несколько проезжих французов, швейцарцев и бельгийцев, получившие разрешение у властей, посещали больницы, помогали ухаживать за больными, приносили им апельсины, прохладительные напитки, кофе, шоколад, табак. Один из них разменял немецкий банковский билет достоинством в один флорин раненому хорвату, который на протяжении уже месяца умолял всех, кого видел, оказать ему эту услугу, без чего он никак не мог использовать эту скромную сумму, составляющую все его богатство. В больнице Сан-Гаэтано монах-францисканец с необыкновенным усердием ухаживает за больными, а молодой пьемонтский солдат, уже выздоравливающий, уроженец Ниццы, говорящий по-французски и по-итальянски, передает их просьбы или жалобы ломбардским докторам; его оставили при больнице переводчиком. В Пьяченце, где все три больницы находились в ведении частных лиц и дам, заменяющих фельдшеров, одна молодая девушка все дни проводила в больнице среди заразных и опасных больных. Родные, боясь за ее здоровье, умоляли бросить это трудное дело. Но она продолжала работать с такой добротой и увлечением, что солдаты говорили с восторгом: «Она приносит радость в больницу». Как нужны были бы в этих городах Ломбардии сотня-другая добровольных фельдшеров и фельдшериц, опытных и знающих свое дело! Они могли бы использовать свои знания и опыт для умелого руководства и объединения разобщенных сил, но знающие свое дело не имели времени руководить и давать советы, а желающие помогать не имели знаний и навыков и вносили в дело только личное рвение, не всегда умелое и полезное. Действительно, что могла сделать в столь громадном и спешном деле горстка отдельных неорганизованных людей доброй воли! Дней через восемь или десять милосердный энтузиазм жителей Брешии при всей своей искренности значительно остыл: они устали и успокоились, за очень немногими исключениями. Кроме того, простые, несведущие люди приносили в церкви и больницы нездоровую пищу,

вредную для раненых, и пришлось запретить доступ в больницы; многие согласились бы провести час-другой с больными, но отказывались от этого, когда требовались пропуски и о них нужно было хлопотать; иностранцы, предлагающие свои услуги, встречали всевозможные препятствия и, в конце концов, отступали. А опытные и умелые специалисты-добровольцы, присланные обществами с ведома и разрешения властей, преодолели бы все трудности и принесли бы несравненно больше пользы.

В течение первой недели после сражения раненых, про которых доктора говорили вполголоса, качая головой, проходя перед их кроватями: «Тут ничего нельзя сделать», оставляли без всякого ухода, и они умирали совершенно заброшенными. Это было вполне естественно в виду ограниченного количества фельдшеров и огромной массы раненых. Это жестоко и ужасно, но неизбежно; нельзя терять драгоценное время на безнадежных, когда оно нужно тем, кого еще можно спасти. Приговоренных заранее было много, и они, несчастные, были не глухи, когда произносился этот безжалостный приговор: они скоро замечали, что их оставляют без ухода, еще больше страдали от этого и умирали одиноко, никто этим не смущался, никто этого не замечал. Кончина такого страдальца была, быть может, отравлена соседством какого-нибудь легкораненого молодого зуава, не дающего ему покоя глупыми и неуместными шутками, или, еще хуже, соседством такого же несчастного, недавно умершего, что заставляет его, самого умирающего, присутствовать при несложных похоронах товарища и знать, что и его скоро ожидают такие же.

Наконец, есть люди, которые, видя, что человек при смерти, пользуются его безнадежным положением, роются в ранце и забирают приглянувшиеся им вещи, а для него на почте уже несколько дней лежат письма от родных, получить их было бы для умирающего самой большой радостью. Он умолял сторожей сходить за ними, чтобы он смог прочитать их до того, как пробьет его последний час, но они грубо отвечали, что времени нет и без него много дел.

Лучше было тебе, несчастный мученик, сразу погибнуть от пули, среди ужасов, называемых славой! По крайней мере, твое имя было бы окружено бессмертием, особенно если ты пал около

твоего командира, защищая знамя полка; кажется, даже лучше было бы тебе быть похороненным заживо грубыми руками тех, на которых возложена эта обязанность, когда тебя подняли без чувств на холме Сипре или в долине Медолы; агония твоя была бы непродолжительна, а сейчас ты испытываешь жуткие муки; теперь перед тобой не доблестная честь погибшего в сражении, а невероятные страдания и холодная мучительная смерть со всеми ее ужасами, и хорошо еще, если твое имя не попадет в список без вести пропавших как последнее надгробное слово!

Куда девалось страстное, необъяснимое опьянение, так невероятно воодушевлявшее этого храброго воина перед сражением и в день битвы при Сольферино, когда он рисковал своей жизнью, в отваге своей жаждал крови себе подобных и с легким сердцем шел их убивать? Куда девалось стремление к славе, так сильно проявлявшееся в первых сражениях или при торжественных вступлениях войск в города Ломбардии? Куда девалось это заразительное воодушевление, усиленное в тысячу раз возбуждающими мотивами военной музыки, звуками труб, свистом пуль, ревом бомб и разрывающихся снарядов, когда бессознательное и страстное возбуждение и обаяние опасности застилают мысль о смерти?

В многочисленных госпиталях Ломбардии можно было видеть, какой ценой достается так называемая слава и как дорого она оплачивается! Битва при Сольферино – единственная в XIX столетии, которую можно сопоставить по ее страшным потерям со сражениями при Бородино, Лейпциге и Ватерлоо. После сражения 24 июня 1859 г. насчитывали убитыми и ранеными в австрийской и франко-сардинской армиях 3 фельдмаршалов, 9 генералов, 1566 офицеров разных чинов, из них 630 австрийцев и 936 офицеров союзных войск и около 40 тысяч солдат и унтер-офицеров¹. Через два месяца к этим цифрам для всех трех армий надо прибавить еще свыше 40 тысяч больных ли-

¹ Французские газеты и журналы уверяют, будто при подписании мирного договора в Виллафранке фельдмаршал Гесс сознался, что в сражении при Сольферино у австрийцев выбыло из строя 50 тысяч человек, так как, прибавил он, «французские пушки с нарезными стволами уничтожили наши резервы». Возможно сомневаться в достоверности этих слов.

хорадкой и умерших от болезней вследствие чрезмерного утомления 24 июня или предшествующих и последующих дней, или вследствие вредного влияния климата Ломбардии во время тропической летней жары, или по неосторожности самих солдат. Следовательно, откинув соображения военной доблести и славы, битва при Сольферино являлась для каждого незаинтересованного и беспристрастного человека европейским бедствием¹.

Перевоз раненых из Брешии в Милан, который происходил ночью (вследствие тропической жары днем), представляет потрясающее трагическое зрелище: поезда, набитые увечными солдатами, приходят на станции, слабо освещенные факелами; толпы людей, взволнованные и сострадающие, встречают их, затаив дыхание; из вагонов слышны стоны и сдержанные вздохи.

На железной дороге из Милана в Венецию австрийцы в течение июня, медленно отступая к озеру Гарда, во многих местах разрушили отрезок железнодорожного пути между Миланом, Брешией и Пескьерой, но он быстро был отремонтирован² и дви-

¹ Послушаем, что говорит по этому поводу Поль де Молен, высший офицер французской армии, участвовавший в этом сражении. Его доброе, благородное сердце побудило написать следующие строки, вполне подходящие к занимающему нас вопросу:

«После сражения при Маренго в 1800 г., далеко уступающему по количеству потерь Сольфериинской битве, Наполеона I охватило внезапное сильное чувство, чуждое всяких политических соображений и гениальных идей; чувство, зарождающееся бессознательно, возникающее по промыслу Божию в самых глубоких тайниках человеческой совести. «На поле битвы, среди страданий массы раненых, – писал он императору австрийскому, – окруженный пятнадцатью тысячами трупов, заклинаю Ваше Величество послушаться голоса человеколюбия». Это письмо, переданное мне без купюр известным историком, глубоко поразило меня. Написавший его сам тоже был удивлен и растроган; к его удивлению не примешивалось, однако, тайного сожаления выраженного чувства; он понимал, откуда оно исходило, и уважал его, не стараясь представить, как другие, что мозг дремлет, когда человек поддается благородному порыву. Битва при Сольферино, добавляет Поль де Молен, должна была затронуть те же струны, выраввшие у победителя при Маренго невольный крик грусти и сострадания».

² Этим обязаны исключительно деятельности и энергии Шарля Брота, миланского банкира, единственного из всех членов Совета ломбардо-венецианских железных дорог, оставшегося в городе.

жение восстановлено для перевозки материалов, боеприпасов и провианта, ежедневно доставляемого франко-сардинской армией, и для отправления раненых из госпиталей Брешии.

На каждой станции были выстроены узкие длинные бараки для приема раненых, которых выносили из вагонов и клали на кровати или просто на матрасы; под навесами стояли столы с хлебом, бульоном, вином, водой, а также с корпией и бинтами, которые всегда нужны. Молодые люди освещают стоянку множеством факелов, и все жители и новоявленные санитары спешат выразить уважение и благодарность победителям при Сольферино; в почтённом молчании они перевязывают раненых, которых с отеческой заботливостью выносили из вагонов, бережно укладывают на приготовленные постели, а дамы угощают всякими яствами и прохладительными напитками выздоравливающих больных, которые следуют прямо в Милан.

В этот город прибывает более тысячи раненых каждую ночь¹, и в течение нескольких последующих ночей мучеников Сольферино принимают с таким же радушием и сочувствием, как принимали героев Мадженты и Мариньяна.

Но теперь уже не розы сыплются с празднично украшенных балконов роскошных дворцов миланской аристократии на сверкающие эполеты и отливающие золотом и эмалью кресты из рук прелестных патрицианок, похорошевших еще более от возбуждения и восторга, а горячие слезы; они свидетельствуют о глубоком сострадании, которое превратится в христианское служение ближнему, терпеливое и самоотверженное.

Все семьи, имеющие экипажи, приезжают на вокзал за ранеными; число этих экипажей свыше пятисот. Самые роскошные коляски и самые скромные тележки каждый вечер направляются в Порто Тоза, куда приходят поезда из Венеции. Дамы-аристократки сами укладывают в экипажи, устланные тюфяками, простынями и подушками, раненых подопечных, которых лом-

¹ К середине июня 1859 г., значит, еще до Сольферино, в миланских больницах находилось около 9 тысяч раненых после предшествующих сражений: центральный гражданский госпиталь (основанный в XV в. Бланш Висконти, женой герцога Сфорца) вмещал один около 3 тысяч человек.

бардские вельможи при помощи не менее ревностных слуг, выносят из вагонов и укладывают в роскошные кареты. Толпа приветствует этих избранных страдалцев, стоит с непокрытыми головами, с факелами провожает медленное шествие, освещая бледные лица раненых, которые стараются улыбнуться, следуя за ними до дверей гостеприимных домов, где их ожидают самые искренние нежные заботы.

Каждая семья хочет приютить раненых французов и старается всеми силами облегчить им разлуку с родиной, родными и друзьями; в частных домах, как и в госпиталях, лучшие доктора занимаются ими¹. Самые знатные миланские дамы выказывают им постоянное внимание и неустанную заботливость; они одинаково просиживают ночи у изголовья офицера и простого солдата; госпожа Убольди де Капей, госпожа Бозелли, госпожа Сала, урожденная графиня Таверна, и многие другие знатные дамы, забыв привычки роскоши, целые месяцы проводят около больных, становясь их ангелами-хранителями. Все эти благодеяния лишены малейшего хвастовства, и эти ежечасные заботы и утешения, имея полное право на благодарность семей тех, которые ими пользовались, должны вызывать у каждого человека почтительное восхищение. Некоторые из этих дам были матерями,

¹ Спустя несколько дней жители Милана были вынуждены сдать в больницы принятых ими больных солдат, так как надо было сосредоточить усилия по лечению и уходу в одном месте и избежать чрезмерной загруженности докторов, которые не успевали ходить по домам.

Главный надзор за всеми больницами города был поручен доктору Кюевле, который отлично справился с трудной задачей, возложенной на него главным хирургом итальянской армии. Этому последнему активно помогал после битвы при Сольферино г-н Фаральдо, главный интендант провинции Брешии, трудолюбие и высокие моральные качества которого в тех тяжелых условиях заслуживают самых высоких похвал.

Французская армия, выступая из Милана в Брешию в середине июня, оставила свободными временные помещения, где можно было разместить около 8 тысяч раненых.

Нельзя не упомянуть и об отличной организации французской армии с точки зрения человеколюбия, чем она особенно обязана маршалу Рандону, военному министру, маршалу Вайяну, главному доктору итальянской армии, и генералу Мартенпрею, помощнику главного доктора.

и их траурные одежды говорили о том, что недавно они понесли тяжелые утраты; одна из них, маркиза Л., трогательно говорила доктору Бертерану: «Война взяла у меня старшего сына; он сражался с вашей армией под Севастополем и умер восемь месяцев тому назад от последствий полученной там раны. Когда я узнала, что в Милан приезжают раненые французы и мне можно будет ухаживать за ними, я почувствовала, что Господь послал мне первое утешение...»

Графиня Верри-Борромео, председательница центрального комитета помощи¹, заведовала складами корпии и белья и сумела также, несмотря на свой преклонный возраст, ежедневно уделять несколько часов для чтения больным. Раненые – во всех дворцах; во дворце Борромео их триста человек. Настоятельница монастыря урсулинок сестра Марина Видемари, воплощение милосердия, заведует больницей, являющей собой образец порядка и чистоты, где вместе с сестрами она ведет все дело.

Понемногу начинают отправляться по дороге в Турин небольшие отряды выздоравливающих солдат-французов, загоревших под солнцем Италии. У кого рука на перевязи, кто на косты-

¹ Графиня Жюстина Верри, урожденная Борромео, умерла в Милане в 1860 г., оплакиваемая всеми, кто имел счастье ее знать. Склады корпии, бинтов и т.п., размещавшиеся на Контрада Сан-Пауло, которыми она весьма разумно управляла, снабжались материалами из разных городов и стран, но главным образом из Турина, где маркиза Паллавичино-Тривульцио вела такое же дело, как графиня Верри в Милане.

Женева и другие города Швейцарии и Савойи прислали в Турин большое количество корпии и белья через посредство доктора Аппиа, который был инициатором этого доброго дела в Женеве. Довольно крупные суммы денег были ассигнованы для оказания помощи раненым без различия национальностей. Графиня Ж. предложила учредить для этой цели комитет, и это предложение, одобренное в Париже, впервые осуществилось в Женеве. Из этой нейтральной страны, одинаково сочувствующей обеим сражающимся армиям, пожертвования посылались в официальные комитеты Турина и Милана для беспристрастной раздачи французам, немцам и итальянцам.

В Турине маркиза Паллавичино-Тривульцио, добрая, щедрая, преданная делу, председательствовала в главном комитете (*Comitato delle Signore la raccolta di bende, filacce, a pro dei feriti*). Образовались и другие комитеты в Турине, где население очень сочувственно отнеслось к жертвам войны.

лях, но на всех следы тяжелых ран; мундиры их рваные и истрепанные, но у всех роскошное белье, которым их снабдили богатые ломбардцы взамен их окровавленных рубашек. «Ваша кровь пролилась при защите нашей родины, мы хотим сохранить об этом воспоминание», – сказали им итальянцы. Все эти люди, совсем недавно еще крепкие и здоровые, а теперь лишенные ноги, руки или с пробитой головой, смиренно переносят свои страдания, но с мучительной горечью предвидят свою жизнь как-лек, ставших объектом сострадания и жалости, и полную невозможность служить и быть поддержкой своих семей.

Не могу не упомянуть о моей встрече в Милане по возвращении из Сольферино с достойным старцем маркизом де Бриасом, бывшим депутатом и мэром Бордо. Имея очень большое состояние, он не раздумывая приехал в Италию с единственной целью помогать раненым. Мне посчастливилось облегчить его отъезд в Брешию: в первой половине августа теснота и давка на вокзале Порто Тоза, куда я его провожал, были так ужасны, что невозможно было добраться до вагонов. Несмотря на его годы и положение (если не ошибаюсь, французское правительство дало ему поручение благотворительного свойства), он не мог добиться места в поезде. Это дает представление о небывалом скоплении людей на вокзале и в его окрестностях.

Сколько достойных внимания поступков навсегда останутся неизвестными! Другой француз, почти глухой, проехал 300 миль, чтобы ухаживать за своими соотечественниками. Приехав в Милан и видя австрийских раненых почти заброшенными, он посвятил себя им, стараясь делать для них все возможное взамен того зла, которое причинил ему сорок пять лет назад один австрийский офицер: в 1814 г., когда союзные войска захватили Францию, этот австрийский офицер был помещен в доме у родителей француза, который, будучи тогда совсем ребенком, страдал какой-то болезнью, вызывавшей отвращение у офицера. Он грубо вытолкал его из дома, что вызвало у ребенка глухоту на всю жизнь.

В одном из миланских госпиталей сержант гвардейских зуавов с гордым волевым лицом, перенесший ампутацию ноги и не испустивший во время операции ни стона, ни жалобы, вдруг впал в глубокую грусть, хотя здоровье его поправилось. Никак

не могли понять его возрастающую грусть; сестра милосердия, увидев слезы в глазах этого солдата, который, наверное, никогда не плакал, стала настойчиво его расспрашивать, и он признался, наконец, что, будучи единственной поддержкой своей старой больной матери, ежемесячно, пока был здоров, посылал ей пять франков, которые сберегал из своего жалования; теперь он не в состоянии ей помогать, и она, наверно, очень нуждалась в деньгах, не получив обычного пособия. Расчувствовавшись, сестра дала ему монету в сто су, которая была немедленно отправлена во Францию; но когда графиня Т., заинтересованная этим солдатом, узнав о причине его грусти, хотела дать небольшую сумму денег ему и его матери, он отказался и сказал, благодаря графиню: «Оставьте эти деньги для более нуждающихся. В будущем месяце я надеюсь снова начать работать и посылать деньги моей матери».

Одна из миланских аристократок, принадлежащая к исторической фамилии, отдала в распоряжение раненых один из своих дворцов с полуторастами кроватями. В числе солдат, помещенных в роскошный дворец, был гренадер 70-го полка, выдержавший ампутацию; положение его было весьма опасно. Хозяйка дворца, стараясь утешить больного, говорила с ним о семье, и он рассказал, что является единственным сыном крестьян из департамента Жер и главное его горе – оставить их в нищете, так как был их единственной поддержкой; он прибавил, что обнять мать перед смертью стало бы для него громадным утешением. Эта добрая женщина, не говоря ни слова, немедленно покидает Милан, садится в поезд и едет к родным солдата по адресу, который ей сообщили. Она оставляет две тысячи франков больному отцу, а мать, бедную крестьянку, привозит с собой в Милан. Через шесть дней после разговора гренадер со слезами обнимал мать и благословлял свою благодетельницу.

Зачем было рассказывать обо всех этих страданиях и вызывать, вероятно, мучительные чувства? Зачем описывать потрясающие картины с мельчайшими подробностями, кажущимися безнадежными до отчаяния?

На этот естественный вопрос надо ответить тоже вопросом. Отчего нельзя создать в мирное время общества, которые во время войны оказывали или организовывали бы помощь раненым и осуществляли бы уход за ними силами преданных, усердных и хорошо подготовленных добровольцев?

Уж если надо отказаться от желаний и надежд членов Общества друзей мира, от мечтаний аббата Сан-Пьера и благородных устремлений графа Селлона;

раз уж люди продолжают убивать друг друга без ненависти и вершиной славы и самым прекрасным из искусств является искусство истреблять друг друга;

когда заявляют, как граф Жозеф де Мэтр, что «война божественна»;

когда ежедневно изобретают с настойчивостью, достойной лучшей цели, все более усовершенствованные средства истребления, а изобретатели этих смертоносных средств поощряются большинством государств Европы, которые наперегонки вооружаются;

когда, наконец, умонастроения в Европе, не говоря уже о других симптомах, таковы, что можно предвидеть развязывание, по-видимому, неизбежных войн в более или менее отдаленном будущем,

отчего не воспользоваться сравнительно мирным и спокойным временем для того, чтобы обсудить и попытаться решить вопрос первостепенной важности с точки зрения и человечности, и христианства?

Вопрос этот, представляющий всеобщий интерес, при общем обсуждении дал бы повод для размышлений и письменных ответов людей более сведущих, но в ожидании, пока эта благородная цель будет достигнута, надо, прежде всего, чтобы эта мысль, вынесенная на обсуждение различных групп великой европейской семьи, нашла отклик и сочувствие у людей с возвышенной душой и отзывчивым сердцем, горячо сочувствующих страданиям ближних.

Такие общества, однажды созданные и постоянно существующие, без сомнения, бездействовали бы в мирное время, но были бы готовы действовать в случае войны; они находились бы под охраной государств, в которых возникали, и получали бы во время войны от враждующих правителей разрешения, облегчающие исполнение их благого дела. Эти общества должны были бы иметь в своем составе и в каждом государстве главными членами комитетов людей достойных, пользующихся всеобщим уважением. Эти комитеты обращались бы к каждому человеку, который, охваченный чувствами подлинного человеколюбия, согласился бы временно посвятить себя делу милосердия и был бы готов, во-первых, с разрешения, то есть при содействии и по указанию, военного руководства оказывать помощь раненым во время сражения и, во-вторых, продолжать уход за ранеными в больницах до полного их выздоровления. Такая отзывчивость встречалась бы чаще, чем думают, и многие люди, уверенные, что при содействии администрации могут принести пользу, охотно поехали бы даже за свой счет исполнять временно долг истинного человеколюбия. В наше время, которое обвиняют в холодности и эгоизме, как притягательно для людей благородных и отзывчивых подвергаться одинаковой опасности с воюющими, но для добровольного служения миру, утешения и самоотверженности!

Исторические примеры доказывают, что надежда на подобные акты самоотверженности не химера; припомним хотя бы миланского архиепископа св. Карла Борrome, пришедшего из далекой епархии во время чумы 1576 г. для того, чтобы помочь и ободрить всех, не боясь опасности и заражения. Его примеру последовал в 1627 г. Фридрих Борrome. А епископ Бельцунче де Кастель-Морон, отличившийся геройским самопожертвованием во время этого опустошающего бедствия в Марселе в 1720 и 1721 годах? А Джон Говард, посетивший все больницы, госпитали и тюрьмы Европы и стоявший у истоков спасительных преобразований в них? Он умер в 1790 г. в Херсоне, заразившись чумой во время пребывания в Крыму. Сестра Марта из Безансона в 1813–1815 гг. делала перевязки всем раненым французских и объединенных войск; до нее другая монахиня, сестра Барбара

Шинер, в 1790 г. во Фрибурге отличалась уходом за ранеными иностранных войск, которые вторглись в ее страну, и за своими соотечественниками.

Но вспомним особо два примера самоотверженности, вполне современных, относящихся к войне на востоке и прямо касающихся интересующего нас вопроса. Когда сестры милосердия ходили за ранеными и больными французской армии в Крыму, к русским и английским войскам прибыли с севера и запада два санитарных отряда во главе с двумя святыми женщинами. Вскоре после начала войны русская великая княгиня Елена Павловна, урожденная принцесса Шарлотта Вюртембергская, вдова великого князя Михаила, выехала из Петербурга с 300 дамами, пожелавшими работать медицинскими сестрами в госпиталях Крыма, где их благословляли тысячи русских солдат¹. Со своей стороны мисс Флоренс Найтингейл, посетившая больницы Англии и большинство благотворительных учреждений континента и посвятившая себя добрым делам, отказавшись от роскоши и богатства, получила настоящее обращение от лорда Сиднея Герберта, бывшего тогда военным секретарем Британской империи, приглашавшего ее ухаживать за английскими солдатами на востоке. Мисс Найтингейл, имя которой уже стало популярным, не задумываясь взялась за это святое дело, зная, что и ее королева его поддерживает, и в ноябре 1854 г. отправилась в Константинополь и Скутари с 37 дамами-англичанками, которые сразу по приезде начали ухаживать за многочисленными воинами, получившими ранения во время инкерманского сражения. В 1855 г. к ней присоединились мисс Стэнли и еще 50 дам, что дало возможность мисс Найтингейл уехать в Балаклаву осматривать госпитали. Всем известно, сколько жертв, исполненных величия, она при-

¹ Во время крымской кампании зимой 1854–1855 гг. российский император Александр II посетил госпитали Крыма. Могущественного правителя, известного своей добросердечностью и благородством, так поразила представшая перед ним жуткая картина, что он тогда же решил заключить мир, будучи не в силах переносить мысль о дальнейшей чудовищной резне, приносящей столько бедствий его подданным.

несла за долгое время своего служения долгу во имя страждущего человечества¹.

Но среди бесчисленных примеров самоотверженности, большей частью безвестных и скрытых, сколь многие так или иначе оказались напрасными оттого, что были единичны, а не поддержаны совместным участием и организацией!

Если бы во время битвы при Сольферино существовало международное общество помощи, если бы 24, 25 и 26 июня в Кастильоне, Брешии, Мантуе и Вероне были бы добровольцы, сестры и братья милосердия, какую неоценимую пользу они могли бы принести!

Можно ли предположить, что отряд активных, усердных и мужественных фельдшеров оказался бы не у дел на этом поле разрушения в ужасную ночь с пятницы на субботу, когда раздирающие крики и мольбы вырывались из груди раненых, жестоко страдающих от ран и от невыносимой жажды!

Если бы принца Изембургского, а вместе с ним и других несчастных воинов, добрые руки раньше подняли с сырой окровавленной земли, где он лежал без сознания, он не страдал бы до сих пор от последствий ран, которые обострились за те несколько часов, в течение которых он оставался без помощи; если бы его лошадь не нашла его среди трупов, он погиб бы без помощи вместе со многими другими ранеными, которые тоже были создания Божии, и их смерть одинаково чувствительно отозвалась бы на их семьях.

Разве могли красивые девушки и добрые женщины Кастильоне, при всей их самоотверженности, спасти жизнь многим раненым и увечным, ухаживая за ними? Лишь немногим они смогли облегчить страдания! Но тут нужны были не только женщины, слабые и неумелые, а опытные мужчины, крепкие и знающие, заранее организованные и в достаточном количестве, действующие сообща и согласованно, чтобы предотвратить не-

¹ Образ мисс Флоренс Найтингейл, обходящей ночью с маленькой лампой в руках палаты военных госпиталей и подходящей к каждому больному, чтобы облегчить боль и оказать необходимую помощь, навсегда останется в сердцах людей, видевших ее милосердие или пользовавшихся им, а память о ней и ее героической и святой самоотверженности навсегда сохранится в летописях истории.

счастливые случаи и лихорадку, которые осложняют раны и очень скоро превращают их в смертельные.

Если бы было достаточно лазаретной прислуги, чтобы помочь подбирать раненых на равнинах Медолы, в оврагах Сан-Мартино, на склонах горы Фонтана и на холмах Сольферино 24 июня, несчастные не оставались бы по нескольку часов без помощи, в страшной тоске и страхе быть забытыми, и не делали бы невозможных усилий, только ухудшающих их положение, чтобы подняться, невзирая на жестокие мучения, в надежде, что их увидят и принесут носилки. И, наконец, на другой день не грозила бы еще худшая опасность живому быть похороненным вместе с мертвым!

При более совершенных способах транспортировки¹ этот бедный гвардейский стрелок мог бы избежать мучительной ампутации в Брешии, вызванной только полным отсутствием ухода по дороге от перевязочного пункта своего полка до Кастильоне. И если он не умер от операции, которую не выдержали многие солдаты, то только благодаря своему здоровью и крепкому телосложению.

Разве вид этих молодых инвалидов, лишенных ноги или руки, грустно возвращающихся в свои семьи, не вызывает сожаления или укора совести, что не постарались предотвратить опасные последствия раны, которую могли вылечить в случае оказания действенной и своевременной помощи? А умирающие, заброшенные в Кастильоне и в больницах Брешии, родного языка которых никто не понимал, разве они отошли бы в мир иной, проклиная и богохульствуя, если бы при них был кто-нибудь, чтобы выслу-

¹ Избегая с помощью лучших приспособлений несчастных случаев при переноске раненых с поля битвы на перевязочный пункт, можно добиться сокращения числа ампутаций, что уже само по себе весьма ценно с гуманистической точки зрения, к тому же это значительно уменьшит число пенсий, которые правительства обязаны выплачивать своим инвалидам.

За последнее время многие хирурги специально занялись вопросом переноски раненых: так, доктор Аппиа изобрел аппарат, гибкий, легкий и простой, смягчающий тряску при переломах и раздроблениях, и доктор Мартрес тоже удачно занялся изучением этого вопроса, достойного того, чтобы ему уделяли внимание общества, о создании которых мы радеем.

шать, понять и утешить?¹ А сколько осталось несделанного, несмотря на все старание жителей городов Ломбардии и Брешии! Ни одна война ни в каком столетии не видала такого массового проявления милосердия, и все-таки его было недостаточно, и оно не соответствовало мере страданий, требующих помощи, тем более, что оно все изливалось на раненых союзных войск, а не на австрийцев: благодарность народа, спасенного от чужой зависимости, вызвала этот мимолетный взрыв безумного восторга и сочувствия. Нашлись, правда, в Италии благодетельные женщины, терпение и рвение которых не ослабели ни на минуту, но увы! в конце концов, их насчитывалось немного; они уставали, заразные болезни испугали многих, а фельдшера и служители, обозленные или упавшие духом, недолго оставались на высоте своего признания.

Для такого дела нужны не наемные люди, которых нередко отталкивают брезгливость и отвращение, а усталость делает неотзывчивыми, грубыми и ленивыми. К тому же помощь нужна немедленная, так как то, что может спасти раненого сегодня, уже не спасет его завтра, время утеряно, начнется гангрена, от которой он погибает². Следовательно, нужны фельдшера и фельдшерицы добровольные, трудолюбивые, подготовленные и знающие, признанные и одобренные командующими армиями и встречающие у них поддержку своему делу. Состав военных лазаретов всегда недостаточен и остается всегда таковым, даже если его удвоить или утроить. Надо обязательно обращаться к помощи общественности, и только при ее участии можно надеяться достигнуть цели. Это должно быть воззвание, с которым надо обратиться к людям всех стран и сословий, к сильным ми-

¹ Во время войны в Италии некоторые солдаты так страдали тоской по родине, что умирали без всякой болезни.

² В начале похода в Италию, когда еще не было ни одного сражения, в одном из салонов в Женеве госпожа Н. предложила устроить комитет для помощи раненым. Многие из тех, к кому она обратилась, нашли это предложение преждевременным, и я сам не мог не заметить: «Как это думать о корпии, когда еще нет ни одного раненого?» А как была бы нужна эта корпия в больницах Ломбардии и Венеции с первых же столкновений! Все изложенные мною факты изменили мои воззрения и побудили высказать эти соображения. Дай Бог, чтобы они лучше были приняты, чем я принял в мае 1859 г. предложение госпожи Н...

ра и к простым ремесленникам, так как все могут, каждый в своей сфере, по мере сил и возможностей содействовать этому доброму делу. Это воззвание должно быть адресовано в равной степени к мужчинам и женщинам, к принцессе, сидящей на троне, и простой служанке, доброй и преданной сироте, или к бедной одинокой вдове, желающей отдать последние силы на пользу страждущих ближних; оно относится к генералу, филантропу, писателю, который из глубины своего кабинета силою своего таланта может в своих публикациях разработать вопрос, касающийся всего человечества в целом и в частности, каждой страны, каждого народа, каждой семьи, каждого лица, так как никто не застрахован от случайностей войны. Если австрийский и французский генералы могли сидеть рядом за гостеприимным столом прусского короля и мирно беседовать, кто помешал бы им обсуждать вопрос, достойный их внимания и интереса?

В чрезвычайных случаях, когда собираются в Кельне или Шалоне главы военных ведомств разных национальностей, отчего бы им не воспользоваться такими собраниями, чтобы выработать какие-нибудь международные договорные и обязательные правила, которые, раз принятые и утвержденные, послужили бы основанием для создания *Обществ помощи раненым* в разных государствах Европы? Договориться и принять меры заранее тем более важно, что в самом начале разногласий, предшествующих войне, противники уже враждебно относятся друг к другу и всякий вопрос обсуждают единственно с точки зрения своих подданных¹.

Цивилизованное человечество настоятельно требует создания организаций такого рода; казалось бы даже, что это долг, для исполнения которого каждый влиятельный человек должен оказать содействие, а каждый добрый человек хотя бы задуматься. Какой правитель откажет в своей поддержке таким обществами, не захочет дать своим солдатам уверенность в своевременном и хорошем уходе, если они будут ранены? Какое государство не захочет покровительствовать людям, старающимся сохранить жизнь его подданных: разве воин, получивший ранение, защищая свое оте-

¹ Собирают же конгрессы ученых, юристов, агрономов, статистиков, экономистов, которые обсуждают вопросы гораздо менее важные, и международные общества занимаются промышленностью, благотворительностью, общественной пользой и т.д.

чество или служа ему, не заслуживает того, чтобы родина о нем позаботилась? Какой офицер, какой генерал, если он видит в солдатах «своих детей», не постарается облегчить труд таких добровольных фельдшеров? Какой военный интендант, какой главный хирург не примет с благодарностью помощь людей умных, знающих свое дело, образованных, работающих под мудрым руководством¹? Наконец, в наше время, когда так много говорится о прогрессе и культуре, если уж нельзя избежать войны, не важно ли стремиться предотвратить или хотя бы смягчить все ее ужасы?

Чтобы это широкомасштабное дело могло осуществиться на практике, потребуются значительные средства, но в деньгах недостатка никогда не будет. Во время войны по призыву комитетов каждый внесет в него посильную лепту; народ не может быть равнодушен, когда его сыны сражаются; ведь в сражениях льется его же собственная кровь! Значит, такие препятствия не могут мешать развитию этого дела. Трудности не в этом. Весь вопрос в серьезной подготовке к такой задаче и в учреждении таких обществ².

Если страшные способы истребления, которыми располагают теперь народы, возможно, сократят со временем продолжительность войны, то сражения от этого станут еще гибельнее; в наше время, когда случайности играют такую большую роль, разве войны не могут возникать самым неожиданным образом? Одних этих соображений уже достаточно, чтобы желать не быть застигнутым врасплох.

¹ С такими обществами, какие мы имеем в виду, невозможны были бы хищение и несправедливое распределение фондов и пособий. Во время Крымской кампании, например, из Петербурга в Крым были доставлены большие партии корпии, сделанной русскими дамами; но эти тюки попали не в больницы, как предназначались, а на бумажные фабрики, которые приняли их как материал для своего производства.

² «...Пусть видят по тем горьким примерам, которые вы приводите, сколько мучений и слез стоит военная доблесть, – писал мне уважаемый генерал Дюфур 19 октября 1862 г. – Слишком привыкли видеть только блестящую сторону войны и закрывать глаза на ее грустные последствия... Очень полезно обратить внимание общества на этот вопрос высокого человеколюбия, и ваш труд в этом отношении вполне достигнет желанной цели. Глубокое и всестороннее обсуждение дела при участии филантропов всех стран может разрешить эту задачу...»

Список иллюстраций

Жан-Анри Дюнан (1863 г.)

Фото Буассона, Женева

2

Комитет пяти

16–17

Дипломатическая конференция в Женеве. 1864 г.

Художник Дюмареск (Ратуша, Женева)

24–25

Первая Конвенция

Фото Буассона, Женева

(Архивы, Берн)

28–29

Карта Сольферино с окрестностями (1859 г.)

42–43

Битва при Сольферино

Художник Боссоли (Музей Рисорджименто, Милан)

Фото Манделя, Милан

52–53

Кастильоне. Церковь Маджоре

Фото Шпайзера, Базель

64–65

Текст третьего издания с правкой А. Дюнана

Фото агентства АТР, Цюрих

72–73

Обложка: дизайн Клода Юмбера, Женева

Содержание

Пьер Буассье

Анри Дюнан. Вместо предисловия

5

Анри Дюнан

Воспоминание о битве при Сольферино

33